Серия

«Космическая философия»

Константин Циолковский

Общественные установления, их преимущества и недостатки

Содержание

Общественные установления, их преимущества и недостатки (1919 год) 3

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СОБСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ 3

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ 15

ПРАВО НА ЗЕМЛЮ. 19

ПРАВО НА СЫРЬЕ. 25

ПРАВО НА ОБРАБОТАННОЕ СЫРЬЕ, ИЛИ ПРАВО НА СВОИ ТРУДЫ. 27

ПРАВО НА ИДЕЮ, НА ИЗОБРЕТЕНИЕ. 33

ПРАВО НА ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХ. 38

ПРАВО НАСЛЕДОВАНИЯ ЗЕМЛИ И ИМУЩЕСТВ. 41

ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ. 46

Фотокопии рукописей Циолковского 50

«Общественные установления, их преимущества и недостатки». 51

Статья. Машинопись 51

Константин Циолковский

Общественные установления, их преимущества и недостатки (1919 год)

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СОБСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ.

У всех культурных народов существует это право. Убийца схватывается обществом, предаётся суду и терпит наказание или ограничение свободы. Чем ниже стоит какая-либо раса в сонме человеческих народов, тем это право слабее, неопределённее и необеспеченнее. У самых низших рас его не существует, к человеку относятся, как к зверю, охотятся за ним, убивают и съедают, как хорошую дичь. Также, чем дальше отодвигаться в глубь истории, тем право это в общем, было ниже. Несомненно, были времена у каждого самого культурного теперь народа, когда прав этих у него совсем не существовало. Оно росло от нуля, от зачаточного

состояния, до теперешнего его вида. Но и теперь у самых культурных народов это право отчасти фиктивно. Воинская повинность отнимает это право. Болезнь, бессилие, увечье, сиротство лишает человека необходимого и, следовательно, его права жить. Стараются отстранить эту причину смерти или сокращение жизни, но пока мало достигают цели. Идеальное общество должно устранить все причины гибели.

Возможно ли существование общества, если нет этого права на личную жизнь? Стадо животных существует сплошь и рядом, не истребляя себя взаимно, хотя у них нет суда для убийцы, нет сплочённости, заступничества друг за друга. Корова не убивает корову не столько из дружества, сколько из бессилья это сделать, а также и из бесполезности такого поступка.

У каждого стадного животного есть инстинкт, мешающий ему вступать в борьбу с равным, или у него нет орудий для убийства. Если бы это было иначе, то самое стадо не могло бы существовать. Естественный подбор выработал этот инстинкт. Нет ничего губительнее борьбы с равным (по силе) существом. Действительно, такая борьба должна окончиться печально для одного и ещё печальнее для другого. Один

может быть убит, а другой изранен, что может также окончиться смертью. Не сострадание, не милосердие, не жалость удерживают от такой безумной борьбы, а скорее инстинкт. Он может быть заменён чувством дружбы к равному или подобному, симпатией или другим чувством, но любовью, справедливостью его нельзя назвать. Справедливость или милосердие должны относиться ко всякому существу даже слабейшему, между тем как стадные животные спокойно истребляют существа иной породы и даже собственных собратий более слабых, больных, или раненых. Значит, главный повод образования этого инстинкта — невыгода борьбы с равносильным. Из наших слов как бы выходит, что и человек руководствуется не справедливостью и милосердием, а чем-то другим. Действительно, его эксплуатация домашних животных беспощадное и жестокое их убийство не говорит в пользу милосердия и правды.

Может быть и у первобытного человечества был такой же звериный инстинкт, мешавший его самоистреблению. Не было суда, но был инстинкт, который не мешал ему истреблять младенцев, уродов, слабых, больных, старых и раненых. Животные одного вида, приблизительно,

равносильны, потому что одинаково вооружены (рога, зубы и т.д.). Но люди, вооружённые искусственно, далеко не равносильны. Таким образом, их неравенство в силе могло дать повод к борьбе, ибо она была для хорошо вооружённых выгодна. Также способность людей образовывать ассоциации делала неравными группы. И тут борьба могла быть выгодной. Значит, ни одно животное не склонно так к убийству, как человек.

Когда не было у человека, как и у животного, развитого воображения, — то не было и тягостным существование члена в обществе без твёрдо выраженного права на личную жизнь. Но представьте себе теперешнего человека, с его сильно развитым воображением, с заботою о малейших предстоящих огорчениях, с мыслью о куске хлеба, жилище, обеспеченном существовании для себя и близких! И вдруг у этого человека, который весь в будущем, нет права на существование! Сегодня же его могут убить ради мяса, ради его имущества, жены или детей. Может ли этот человек работать, быть спокойным, может ли быть счастливым? Не сошёл ли бы он с ума от ужаса, от силы воображения, не отказался ли бы заранее от жизни? Каждому грозит болезнь, смерть, старость и её финал. Но все это не то. Нельзя

предвидеть время кончины, как бы не был человек стар и слаб. Если вам 70 лет, вы можете прожить ещё десять, если 80, то ещё шесть и т.д. Без права на жизнь, обеспеченного твёрдо и неуклонно исполняющимися законами, человечество было бы в ужасном состоянии. Хуже его трудно было бы что-нибудь придумать. Все же и с этим, к сожалению, примиряется человек. Действительно, милитаризм вечно грозит каждому подвергнуться насилию и быть убитым или искалеченным. Пускай воюют желающие. Если же общество насильно посылает своих членов на войну, то оно нарушает право на жизнь. Где войска наёмные, там нет этого нарушения. Но там соблазняют население хорошим содержанием и жалованием. И так набирают войска. Впрочем, общество не может обойтись без солдат. Но члены общества должны быть свободны вступать в него или не вступать. Наконец, войска в совершенном обществе не убивают, а только ограничивают свободу преступников.

Теперь обратим внимание на недостатки существующих законов о праве на личное существование. В самых культурных странах преступник за жестокое убийство и теперь ещё наказывается смертью. Страх наказания

удерживает от преступления многих людей, склонных к убийству. Кара эта обеспечивает людям спокойное существование, надежду на жизнь. Но удерживаются от убийства, в силу страха, только люди с сильным воображением. Преступники же как раз его имеют чересчур мало. Потом, преступление часто совершается под влиянием вспышки гнева, ревности и других страстей, унаследованных от животных предков или от предков, бывших и живших в иных условиях. Одним словом, склонность к преступлению всегда наследственна или рождается роковыми для преступника условиями жизни. Иногда стечением необыкновенных обстоятельств.

Как же казнить человека? Не сам же он себя родил, не сам создал все условия своего бытия! Не будет ли его казнь подобна мести, т.е. удовлетворением далеко нехороших чувств? Бывает и осуждение невинного: как загладить тогда судебную ошибку? Мы не можем возвратить жизнь казнённому. С другой стороны нельзя не воспользоваться устрашением преступных элементов, ради устранения возможных преступлений. Хорошо, что хоть люди с воображением уклонятся от убийства. Устрашение — плохое средство к добру, но что же делать, если человек так плох и

устрашение действует на очень несовершенную психику человека весьма благодетельно. Изменится человек — и страха тогда не будет нужно. Пока же пренебрегать им законодательство не может. Все же оставим страх казни и заменим его другим, менее мучительным страхом — лишением свободы и другими лишениями, только не лишением жизни. Разве может кто-нибудь поручиться за себя, что он или его близкие никого не убьют! Неожиданное оскорбление, клевета на человека или его близких могут вывести человека из равновесия и причинить неосторожное убийство. Кто от этого обеспечен! Уничтожив казнь, выбросив её совершенно из обихода наказаний, мы успокоим тем все человечество. Оно вздохнёт тогда свободно за себя, за близких и за преступников. Разве казнь совершается только за убийство? Так называемые политические преступления, несогласие мыслей человека с мыслями правящих, разность убеждений, борьба партий, в сущности неправых с обеих сторон, не вызывает ли в смутное время бездну смертных казней. Уверены ли вы в том, что не попадёте в эту сутолоку, и не будете лишены жизни за инакомыслие? Не казнили ли даже праведников, героев, благодетелей человечества, гениев, спасителей, изобретателей, людей науки! А если так, то казни совсем не

должно быть. Человек не может ручаться за справедливость казни, так как казнено чересчур много невинных и продолжает казниться. Сколько, например, уничтожила праведников, психически больных, великих мыслителей и т.д. инквизиция. Итак, зарубим на носу твёрдо: казни совсем не должно быть. Убийств будет, может быть, больше и они должны караться, но не убийством же, а лишением свободы и страхом других наказаний. За то остальное невинное человечество будет спокойнее и это добро во много раз превысит возможное увеличение числа преступлений.

Преступник может измениться, переродиться и сделаться хорошим и полезным человеком. Разве можно ручаться за то, что это немыслимо? А если так, то надо оставить надежду самому ужасному разбойнику. Эта надежда скрасит его жизнь, даст ему силы на исправление, улучшение, на борьбу с самим собою. Он будет знать, он должен знать, что все для него может вернуться, лишь бы он победил в себе дурное. Статистика, допустим, может неопровержимо доказать, что с отменой смертной казни число убийств увеличилось. Но та же статистика укажет, что успокоение человечества вследствие отмены жестокого закона, увеличила продолжительность жизни вообще. Сумма прироста лет

жизни, наверно, окажется бесконечно больше убыли лет от убийств.

Возможно убийство в борьбе двух или нескольких. Тут уже будет не один преступник, а несколько. Драка может быть между двумя лицами, между двумя группами, между двумя обществами и даже между двумя государствами. Во всех случаях драка или борьба должна подвергаться суду.

Если я нападаю на вас с целью убить или сделать какое-либо другое насилие, то, защищаясь, вы можете меня нечаянно лишить жизни и остаться по суду оправданным. Останется виновным нападающий и если он только ранен, то подвергается суду и исправительному наказанию. В борьбе групп также могут быть невинные группы, несмотря на произведённые ими убийства. Также и в борьбе народов.

Как же избежать этих ужасных, хотя, может быть, и невинных убийств? Это описано у меня "В совершенном общественном строе". Драку немногих предупреждает и судит маленькое общество, живущее тесною, близкою жизнью. Также предупреждается нападение и насилие. Все на виду в этом маленьком обществе — и преступление в

самом корне, в его зачатке может быть уничтожено. Также справляется более сильное общество с нападением друг на друга маленьких обществ. Борьба и преступление низших обществ, положим, третьего разряда задерживается более сильным обществом четвёртого разряда. Борьба государств задерживается и судится всем человечеством, т.е. союзом всех стран земли.

Если неизбежна борьба и сопряжённые с ней убийства и насилия, то нужно, по возможности, обезвредить эти войны и драки. Для этого нужно ввести закон: запретить производство всяких орудий истребления человека. За уклонение от этого закона должны судиться страны, общества и отдельные лица. Союз всех народов сам с собою не может воевать, разве с союзом народов других планет, но пока эта борьба нам не угрожает. Свои же части, т.е. отдельные страны он всегда может привести к покорности, так как целое сильнее своей части. Борьба останется, будут и орудия, но они не будут так специальны, так систематичны, обильны, жестоки и губительны. Нельзя сразу хорошо вооружиться. Значит и борьба будет почти на одних кулаках (если не считать случайных орудий, т.е. инструментов), окончится скоро и не будет иметь таких

жертв, как при употреблении, например, современных орудий истребления, или ещё более совершенных орудий будущего. Мы видим, что право человека на жизнь осуществляется современными установлениями далеко несовершенными способами. Это право будет усилено, если мы введём такие дополнения к известным законам:

1. **СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ВСЕГДА И ВО ВСЕХ СЛУЧАЯХ ОТМЕНЯЕТСЯ.** (Нам давно твердили: не убей. Но мы и этого понять не можем.)

2. **ПРОИЗВОДСТВО ВСЯКИХ ОРУДИЙ ИСТРЕБЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СТРОГО КАРАЕТСЯ ЗАКОНОМ.**

3. **БОРЬБА ЛИЦ И ОБЩЕСТВ ПОДАВЛЯЕТСЯ И СУДИТСЯ ОСОБЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ЛЮДЕЙ.**

Может быть нам скажут, что борьба служит (и полезна) для отбора сильнейших и выносливых. Да, если она на кулаках. Но такой войны как раз теперь и нет. Кроме того, разве кулаки всего важнее. Наконец, в совершенном обществе устанавливается искусственный подбор, который и совершенствует людей, а не "грубая борьба".

Все же и войны и сейчас не совсем бесполезны, так как дают преобладание народу более совершенному в техническом отношении. Этот же народ и умственно, и нравственно должен быть выше других. Также даёт преобладание более многочисленному народу. Но многочисленный союз удерживается при повышенных индивидуальных качествах.

Разумеется, и современные установления, сравнительно с нулём, хороши и должны быть сохраняемы до замены их лучшими. Законы непрерывно совершенствуются. И существовавшие установления играли важную роль и были лучше полного беззакония. Казнь убийц была лучше полной безнаказанности, или мести обиженных родственников убитого. Все же эти непрерывные, часто несправедливые и ошибочные казни улучшали в общем человечество: становилось меньше людей, склонных к убийству. Даже безнаказанная смертельная борьба лиц приносила некоторую пользу, так как победителями были люди более сильные, ловкие, запасливые, расчётливые, бдительные. Таким образом совершалось индивидуальное развитие человечества.

Развитие может быть двух сортов: индивидуальное и общественное. В хорошо устроенном обществе должно быть одновременно и то и другое, так как отдельно и то и другое негодно и ведёт к гибели или жалкому существованию. Безнаказанная борьба обществ также сыграла свою роль. Она способствовала единению групп, их солидарности, дружбе, любви хотя между собою, в тесном кружке людей. Сначала развивалась личная сила человека, потом сила семьи, далее — маленьких обществ, затем — больших обществ и государств. Теперь должно быть единение всех людей. Не все сразу. Человечество имеет историю. Постепенность развития неизбежна. Но никто не мешает нам это развитие ускорить и довести его до его вершины, до единения всего населения земного шара. Мы уже говорили, что право жить, как оно совершенно ни организовано, в сущности фиктивно. Множество людей по разным причинам, лишаются необходимого для жизни и потому умирают или сокращают свою жизнь. Общественное устройство должно быть таково, чтобы этого сокращения не было. Только тогда это право достигнет совершенства.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ

На вещи, землю и животных, и человека.

У животных его нет. Там мы видим право сильного. Хищный зверь распоряжается жизнью всех слабейших существ. Он же отнимает у них все, что находит нужным. Стада не делят провизию, а грызутся из-за нее. Кто сильнее, наглее, храбрее, тому и достаётся больше, а иногда все. Только при изобилии пищи, например, травы, нет борьбы между существами. Нет борьбы и между очень сильным и очень слабым, потому что слабейший благоразумно скрывается, чтобы спастись и не увеличить съедобную порцию сильного. Последний же, ничем не рискуя, просто съедает слабого.

Когда-то было так и в человеческой среде. Не было законов, не было собственности, но было право сильного, так называемое естественное право, которое простиралось иногда и на людей. Но и зверь признает право собственности за своей супругой и за детьми. Человек также, на какой бы низкой ступени не стоял, не мог не признавать хоть в незначительной степени этого права за своей семьёй. Без этого невозможно было бы существование рода. Например, наседка-курица не только не отнимает найденный цыплятами корм, но и помогает им отыскивать его. Впрочем, возможно существование низших видов существ и без

семейного права собственности. Таковы одноклеточные, многие насекомые и т.д. Род их поддерживается простотой тела и усиленным размножением. Те роды людей и животных, которые не признавали семейного права собственности, должны были погаситься, или вымереть натуральным способом. Слабые и голодные дети должны были гибнуть прежде своего полного развития. Итак, семейное право собственности, также, как и семейное право жизни зародились ещё на самых низких ступенях существования животных и человека. Затем оно распространилось на маленькое общество, далее — на большие, на целое государство. В какой семье или обществе право собственности было слабо, там была из-за неё борьба, ослаблявшая общество. Оно было слабее других, уничтожалось ими. Так общества, признававшие право собственности, существовали, а другие исчезали. Но не распространилось оно ещё на все человечество. Сильное государство или союз их может на деле распоряжаться прочими, как хочет.

В чем же состоит право собственности? Кто первый нашёл какую-нибудь вещь в природе, тот ею и пользуется. Кто обработал или изменил как-нибудь эту вещь, тот тем более

имеет на неё право. Супруги не отнимали друг у друга найденного корма, не отнимали его также у своих детёнышей. Таким образом, семейное право собственности устанавливалось, хотя и не без многих и грубых уклонений. Так некоторые самцы даже поедают своих детей без всякой надобности. Паучиха съедает паука-супруга. Коты иногда съедают котят. Право это распространялось и на добытых и приручённых более слабых существ. У человека оно распространялось на пленных, покорённых или более слабых членов человеческого рода, даже на членов семьи.

Но право одной семьи нарушалось другой более сильной семьёй. Соединение двух семей, не враждовавших, согласившихся признавать взаимно права собственности, придавало этому союзу двойную крепость и способность нарушать права отдельных семей. Союз трёх семей побеждал и парные союзы. Возникали маленькие общества, согласившиеся взаимно признавать права собственности и побеждавшие более слабые союзы. Победа не могла бы существовать, если бы не было предварительно признано право собственности для нескольких семей. Действительно, если бы не было этого установления, то семьи бы боролись между собой и не могли бы составить победоносный союз. С

течением времени, численность союзных обществ росла, так как давала преимущества. Росла и величина обществ, так как более многочисленное общество покоряло и обирало менее многочисленное.

Право собственности человека заключается в правах на землю, на плоды личного труда, на вещи, на животных, на людей и в посмертном праве завещать после смерти все имущество детям, родственникам или другим лицам, по своему желанию. Только право на людей в большинстве стран теперь не существует и преследуется, как преступление. Остальные же права более или менее процветают. Разберём же положительные и отрицательные стороны этих прав.

ПРАВО НА ЗЕМЛЮ.

В настоящее время всякий, при известных условиях, может сделаться, даже во многих культурных странах владельцем любого количества земли. К чему же это ведёт? Владелец обширной земли обыкновенно бывает и капиталистом. Он не лишён часто и таланта, если только не получил землю по наследству. Капитал даёт ему возможность хорошо организовать обработку земли, завести самые лучшие

машины, агрономов и в результате, с небольшим числом рабочих и сравнительно незначительной затратой труда и капитала, достигнуть блестящих последствий, т.е. получить от земли в десятки раз больше продуктов, чем при мелком землевладении. Предполагаем идеальный случай. Если допустить, что этот человек, ещё высок в нравственном отношении, что он не завещает своей земли недостойным людям, что не будет чрезмерно роскошествовать, заставив работать лично на себя возможно большее число людей, — то в этом идеальном случае крупное землепользование выгоднее человечеству, чем мелкое. Но всегда ли так бывает? Часто землю получает ограниченный наследник, даже не интересующийся обработкой земли. Землю он сдаёт на аренду фермерам и крупное землевладение превращается в мелкое. Если же он и сам организует обработку земли, то в силу своей средней ограниченности, не получит блестящих результатов. Крупное землевладение, таким образом, не даёт человечеству ничего. С другой стороны, слабый нравственно владелец, получая аренду, ещё более падает, не имея надобности трудиться, размышлять и развращаемый ещё более возможностью удовлетворять всем своим страстям, в рабство к которым так легко склоняется даже сильный человек. Итак, мы губим

самого владельца. Кроме того, полученные от земли без труда средства, он может употребить не только на излишнюю роскошь и прихоти, которые заставят множество людей работать на него, но развести кругом себя целую уйму дармоедов. Соблазн чересчур велик и мы видим в жизни часто такие плоды.

Мелкие владельцы земли, соединившись в организованный союз, могут завести общие дорогие и совершенные орудия, общую обработку, знающего и заведующего всем человека. Тогда результаты получатся, как и от идеальной капиталистической обработки. Но трудно образование общества. Сплошь и рядом не удаются организации и дело идёт даже хуже, чем при работе врозь.

Далее, мелкие владельцы, при удачных делах, отдавши и все дело в хорошие руки, могут сами, получая доходы, впасть в бездеятельность. Получится далеко не отрадная картина. Пример: акционерные общества. Члены получают доходы, ничего не делая. Как же быть? Земля принадлежит людям. Больше некому ею владеть. Каждая человеческая душа имеет право на 9 гектаров суши. Семья в 10 человек

может пользоваться чуть не квадратным километром земли (около ста десятин).

Идеальное право на землю состоит в том, чтобы каждый владел 9-ю десятинами земли. Вернее суша должна быть разделена на 1,600,000,000 равноценных участков, конечно, самой разнообразной величины, и каждый участок вручен одной человеческой душе. Это идеал, к которому не может прийти человечество сразу. Но и этот идеал ещё не полон. О его усовершенствовании мы можем говорить только в связи с общественным устройством. Хотя все существующие законы о земле должны строго соблюдаться, но нужно постепенное их изменение и приближение к идеалу. Не должно быть безрассудной борьбы классов, напрасных страданий и самоистребления, неизбежного при грубом перевороте. Можно, например, провести закон, по которому владельцы обширных земель каждый год должны вращать человечеству несколько процентов своей земли. Можно также ограничить и наследников земли. Они также могут уступать ежегодно уже большую часть своей земли человечеству. Можно и вознаграждать чем-нибудь потерю земли.

Право на землю было великим шагом вперёд. У животных нет этого права, у малокультурных народов оно постоянно нарушается и трудно осуществляется. И в культурных странах надо много хлопот, чтобы оградить это право даже на ничтожный клочок земли. Вспомните, как трудно даже оградить сад от ребятишек, которые обрывают ещё незрелые плоды и ломают деревья. Право на землю давало возможность владельцу серьёзно заняться землёй, улучшить удобрение и обработку земли. Оно давало энергию владельцу, который, в надежде на урожай, усердно работал: пахал, удобрял, полол, выкапывал, собирал и хранил плоды. Без права на землю невозможна была бы агрикультура. Мы бы и сейчас оставались скотоводами или охотниками. Численность населения земли не достигла бы и десятой доли существующей. Не было бы и теперешней культуры.

Итак, сделаем вывод: **ОБШИРНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ СВЕРХ НОРМЫ, ВРЕДНО ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ И САМОМУ ВЛАДЕЛЬЦУ. ЗАКОНЫ ДОЛЖНЫ ПОСТЕПЕННО ОГРАНИЧИВАТЬ ВЕЛИЧИНУ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ, ПОКА НЕ ДОВЕДУТ ЕГО ДО СРЕДНЕЙ НОРМЫ В 9 ГЕКТАРОВ НА ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ДО РАВНОЦЕННОГО УЧАСТКА.**

Из этого, однако, не следует, что земледельческий труд будет обязателен для всякого. Он и земля должны быть доступны для всякого желающего. Это для индивидуалистов. Общества же устраиваются иначе, очень сложно, о чем мы не имеем возможности сейчас говорить. Не забудем только, что в члены обществ вступают добровольно, а в члены высших обществ ещё и по избранию. Можно ли отказать в праве на землю? Да кому же ею и владеть, как не людям? Если предоставлять владения только обществам, то возмутим индивидуалистов, их вражду и бедствия борьбы. В обществах только ничтожная часть членов занимается обработкой земли, так как благодаря машинам земледелие потребует ничтожного времени. Или, может быть, все участвуют в земл. трудах, но каждый немного, например 2 часа.

Все ли люди заслуживают одинаковых по ценности участков? Цену человека определить трудно. Эта задача будет приблиз. решена в совершенном обществе. Пусть один человек в 100 раз дороже другого. Он наверно будет состоять членом одного из высших обществ и потому уже там получит награду в виде движении и содействия его хорошим

начинаниям. Общество само будет удовлетворять его разумные желания. Избыток земли ему ни к чему.

ПРАВО НА СЫРЬЕ.

Положим, у кого-нибудь на надельной земле оказались драгоценные залежи каких-либо руд: угля, фарфора, золота и т.п. Тогда участок этот уже не станет равноценным другим и потому его придётся для владельца уменьшить в 100, 1,000, может быть, в миллион раз. Тогда он окажется уже недостаточным для поселения и потому от владельца отбирается и заменяется удобным средней ценности. Таким образом, по мере изучения земли, её недр, её естественных богатств происходит переоценка участков и драгоценные отходят в пользу общества. От них пользуется все человечество и индивидуалисты получают свою долю: не может же кому-нибудь попасть в удел водопад или другая сила природы, ценность которой, как значительной механической энергии, весьма велика. Каждый индивид или общество пользуется сырьём своей земли, пока это сырье не оказывается по ценности превышающим норму удела. В жизни мы не видим такого отношения к сырью. Владелец

земли, открывший у себя залежи драгоценного материала, остаётся большею частью их собственником. Такое право ведёт к капитализму и могуществу владельца без всяких заслуг с его стороны. Наследственное право, присоединяясь к праву владения, рождает ещё ряд людей, могущих существовать без пользы для человечества, в обременение ему. Все же не нужно грубой ломки законов. Реформа их должна вводиться постепенно. Можно дозволить сначала пользоваться 50%, или половиной найденных сокровищ, потом 40, 30, 20 и т.д. процентами, пока не дойдём до нуля или невещественного награждения открывшего ценность. Следует поощрять такие изыскания, в особенности, когда на них затрачены труд и время. Такой человек, сообразно заслугам, должен вознаграждаться почестью, поощрением его рода, записью в книги, облегчением физического труда, улучшением питания и других условий жизни. Новое законодательство будет полезно для всего человечества, так как будет способствовать открытию богатств природы. Даже избыток в поощрении не вредит. Но потом, этот избыток, в совершенном строе, просто окажется излишним, тягостным для самого триумфатора.

ПРАВО НА ОБРАБОТАННОЕ СЫРЬЕ, ИЛИ ПРАВО НА СВОИ ТРУДЫ.

Известно в чем выражается это право людей. Я сделал из своих материалов, своими руками стул, комод, дом, молоток, машину — они принадлежат мне, я могу кому угодно их дарить или на что-нибудь обменивать, также — завещать, кому хочу. Это так естественно и вполне справедливо: чем больше человек трудится, чем производительнее этот труд, тем больше и вознаграждения за него. Странно было бы, если бы я трудился, а бездельник, лентяй или неумелый пользовался (по праву, а не по моей милости), трудами моих рук и моего ума. Если бы так было, то и трудоспособные перестали бы работать; размножились бы бездельники и люди были бы на пути к вырождению и гибели. Если существует право на сырье, то тем сильнее это право на сырье обработанное. Обработанное сырье может быть дороже золота и алмазов. Например, "волоски" карманных часов.

Но представим себе современного человека и современные законы. И один человек может сделать многое. Он пользуется силами природы, машинами и производит в

тысячу, в миллион раз больше, чем другой менее мыслящий, менее искусный и трудолюбивый человек. Не может ли тут выйти зла?

Наш счастливый производитель выменивает свои изделия на необходимое ему пропитание, на одежды, на золото и другие драгоценные материалы, которые легко хранить и которые не портятся от времени. Он умирает и все накопленное переходит целиком человечеству. Что же оно теряет!

Но может быть необыкновенный производитель прячет или истребляет свои изделия, может быть он дарит их угодным ему, но бездельным людям и рождает так паразитство, может быть отдаёт все за удовлетворение своим прихотям и заставляет так служить себе множество людей. Правда, в последнем случае он только справедливо, хотя и неумеренно вознаграждает сам себя. Что он дал, что сделал, то и получает в равноценном обмене.

Зарождение тунеядства — вот соблазн положения. Как же быть! Как избежать этого зла: зла тунеядства, зла роскоши, прихотей, капризов, уничтожения своего же добра, возможности человеконенавистничества!

Чаще всего человек впадает в таком случае в соблазн удовлетворения страстей далеко не похвального характера, которые губят его и сделанное им добро. Приходится регулировать право собственности необыкновенного труженика. Запрещается порча, уничтожение и сокрытие трудов. Запрещается неумеренная жизнь, роскошь и чрезмерный прихоти, запрещается порождение тунеядства. Все это само собой совершается при описанной мною организации общества. Но не всякий годится для образования новых обществ. Часть людей, несмотря на свои таланты, по своим нравственным качествам, останется вне обществ и будет жить жизнью близкой к существующей. Они должны владеть описанными мною правами. Законы должны понемножку склоняться к исправлению и к регулированию прав собственности на свои труды.

Право собственности имеет ещё дурную сторону. Закон покровительствует этому праву, но главная забота по охране собственности лежит на владельце. Как же должен он мучиться, по мере её накопления. Чем её больше, тем больше и забот, тем больше и сил поглощает она! Наступает момент, когда все силы собственника устремлены и целиком

отданы на хранение своего добра. Как охранить быстропортящиеся продукты? Если отдать их за золото, серебро и другие металлы и камни, то опять-таки охрана их будет стоить недешёво. Придётся за имение таких вещей, может быть, поплатиться жизнью. Правда, теперь драгоценности хранятся в банках и других специализированных для того зданиях. Но можно ли и там поручиться за целость охраняемого. Вон в Америке бомбисты — воры снабжены всеми последними усовершенствованиями, чтобы разрушать стальные и бетонные стены и взламывать или отпирать замки. Мне кажется, легче собственнику сдавать сработанные им продукты обществу, которое их немедленно пускает в дело, а самому получить удостоверение общества в сдаче вещей на такую-то сумму. Это гораздо покойнее и в зачатке существует. При надобности или желании, владелец часть своего труда получает обратно. Но что, собственно, со своими продуктами он может сделать для себя? Объедаться — вредно, лакомство и изысканная пища скоро портит пищеварение и притупляет вкус. Роскошная одежда, обстановка, жилище — возбуждают зависть и потому причиняют огорчения, а иной раз служат причиною насильственной смерти. Раздача вещей и продуктов

людям — развращает их, возбуждает между ними зависть, вражду, лесть, ложь, тунеядство, а иногда неблагодарность и ненависть. Помогать нуждающимся — дело очень трудное и не всякому по силам. Остаётся одно — пускать имущество в оборот и все более и более наживаться. Но это затруднения имущего ещё более увеличивает.

Наживаться можно разными способами. Можно наживаться процентами, биржевой игрой, картами и тому подобными средствами, что составит, основанный на легкомыслии, чистейший согласный грабёж и законами скоро должно быть совсем воспрещено. Можно обогатиться организацией крупной торговли; это может быть важным делом. Торговец должен иметь таланты, чтобы успешно вести дело. Он должен знать избыток или недостаток товара по всей земле, он должен уметь его самым экономным способом перевести, упаковать, сохранить от грабителей и от порч. При талантах он может приносить человечеству огромную пользу. Без торговца избыток товара гниёт в одном месте, а в другом он недоступен по цене. Но ещё лучше, если богатый займётся промышленными предприятиями. Тут польза от его деятельности ещё больше. Она достигает максимума, когда предприятия новы и благодетельны. Таковы осуществления

новых изобретений, облегчающих или ускоряющих человеческое хозяйство, дающих ему новые могущественные орудия работы, оздоровляющие труд и т.д. Тогда и накопление богатств в одних руках будет до некоторой степени благодетельно для людей. Обилие, роскошь и прихоти богача поглотят сравнительно ничтожную часть плодов, приносимых им обществу. Но все же это редкий случай! Не так добывается богатство и не такие приносит плоды! Я хочу только показать, что хотя богатство имеет и много шипов, колющих и общества, и владельца, но можно вообразить исключения и они бывают, хотя и редко. Поэтому неизбежны законы, регулирующие зло богатства. Они могут постепенно ограничивать это зло, с согласия самих богачей и общества, со снисхождением к невежеству и к человеческим страстям: к алчности, к любостяжанию, властолюбию, гордости и т.д. Высший же источник богатства: изобретение или полезная идея. Только в редких случаях удаётся мыслителям извлечь золото из своих гениальных мыслей. Если же это происходит, то этот источник богатства самый почтенный. Но и таким людям богатство опасно и для них и для людей.

ПРАВО НА ИДЕЮ, НА ИЗОБРЕТЕНИЕ.

Современный закон даёт только право на изобретение, но не на идею. В этом уже заключается ошибка: идея и изобретение одно и то же. И то и другое может быть одинаково благодетельно для людей и потому всячески должно поощряться и отличаться.

Право на изобретение теперь даётся не всякому, а только человеку со средствами (вообще не имею в виду СССР) и после больших хлопот, и большого промежутка времени. Человек, раскрывший своё изобретение до получения документа, теряет на него права. Это особенно возмутительная несправедливость. Изобретатель разглашает (часто по незнанию этого закона) своё изобретение всеми способами, вплоть до печати, ради быстрейшего введения его в жизнь и осуществления. Он вредит только самому себе, так как после разглашения иногда трудно доказать, что изобретение принадлежит именно ему. Этот закон скрытности введён отчасти ради того, чтобы изобретение сделалось тайною одного государства, если оно военного характера. Изобретение может обогатить человека, уже имеющего некоторые

средства (так как на разработку и исполнение нужны деньги); и потому выдача обычных патентов может только усилить известные последствия накопления богатств в одних руках. Тем не менее и существующие права на изобретения благодетельны для человека, так как поощряют открытия, которые приносят неисчислимую пользу человечеству, становясь через 10-20 лет его беспошлинным правом.

Жаль только, что это поощрение недостаточно для бедных и слабых, что оно требует много расходов, что доступно более капиталистам. Таким образом масса изобретателей находятся в беспомощном состоянии и изобретения их попадают в чужие руки за бесценок и даже честь изобретения ускользает от бедняков.

Крайне важно знать, кто именно изобрёл. Людям выгодно это точно знать, чтобы поощрять изобретателя и его род, определить драгоценные его свойства и пользоваться ими всегда.

Не только изобретение должно поощряться, но и всякая добрая мысль. Старая — менее, новая — более. Должен быть отличен и записан в книги человек, именно он, подаривший

людям новую великую идею, или восстановивший старую, забытую, но полезную. Надо прежде всегда облегчить проникновение новых мыслей в общество. Как это сделать — уже описано в моем новом общественном строе. Ни одна хорошая мысль, как и её автор, не может там скрыться и потонуть в житейской суете.

Таким образом, я предлагаю право собственности даже на каждую новую полезную идею и право заслуги на возрождение старых, но забытых идей, честь открытия которых должна оставаться за их источником и возобновляться в книгах. Если бездарный человек найдёт возможным приписывать ложно себе великие мысли и изобретения, то мы будем поощрять лжецов и ничтожных людей, будем способствовать размножению их рода и поведём человечество назад. Кроме вопиющей несправедливости, ведь это будет и гибелью для людей.

Как же поощрять идею и её осуществление? — Так, чтобы это способствовало размножению великих идей и размножению их творцов. Прежде всего нужно внимание ко всем. Организация нового общества это уже предполагает. Далее, беспристрастное обсуждение идеи и ход её кверху,

по мере её достоинства. Затем, если идея оказывается ценной, она осуществляется всеми силами общества. Она переоценивается вновь на практике. Автор её подробно описывается в книге, с указанием его заслуг и осуществлённого изобретения или нововведения. Ему уменьшается количество обязательного физического труда, улучшаются условия жизни, согласно его желаниям, увеличивается внимание к другим его идеям, даётся некоторая общественная сила для бесконтрольного его распоряжения, поощряется размножение его рода и оказывается особенное покровительство его потомству и даже родичам. Объясняется всему населению степень важности его мыслей, их плоды, внушается необходимость некоторого особенного почёта и уважения мыслителю. Разумеется, если он падает, не приносит более плодов, то хотя и бывает вознаграждён и почтен, но эти поощрения не возрастают, а даже ослабевают. Также и поощряемый род, если окажется бездарным, понемногу лишается особого покровительства законов. Однако не сразу. Бывает возникновение талантов в третьем, четвёртом, может быть, десятом поколении. Род великого мыслителя или изобретателя навсегда отличается и пользуется вниманием. От него ждут рано или поздно чего-нибудь высокого и

возможно, что дождутся. Тут много значат браки. Разумные браки могут ещё усилить талантливость рода. Безумные её теряют.

Кажется, зачем награждать дарования! Как бездарный, так и талантливый не сами себя создают. Они — продукт среды и их родителей. Не виноват немощный, преступник; также, как будто, не заслуживает поощрения гений и талант! Но ради собственной выгоды человечества, необходимо всяческое внимание, поощрение и отличие изобретателю, гению и его роду. Если всякий будет знать, что его великая мысль или открытие встретит внимание, сочувствие, поощрение, вознаграждение, — улучшением жизни его и его рода, — почётом, вечною памятью и записью в книги, если самый род его воспринимает его радости, — то всякий и будет стремиться к высокому, по мере своих сил. Кому нужно работать, напрягать мысль, отказываться от простых радостей жизни, если в результате он встретит неблагодарность, зависть, невнимание, презрение или равнодушную кражу его идей лжецами или обществом! Тебя, де, породило общество, ты его вещь, она принадлежит нам и также все, что от неё исходит!

Не только поощрением будем достигать справедливости, удовлетворения высшего нравственного чувства, но и обильного проявления талантов, обильной работы мыслей, самоотречения от житейской суетности и обычного шаблонного труда, размножения даровитого рода и умножения гениев, в виде новых удачных рождений. Так будет не только благоденствовать кресцендо, но и непрерывно совершенствоваться человеческий род.

ПРАВО НА ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХ.

Право на людей считается теперь преступлением и преследуется во всех странах. Таковы рабство и продажа людей. Всякого рода неволя и насилия — только удел нарушителей закона. Установления эти прекрасны. Но давно ли и рабство и продажа людей процветали. Поэтому и нравственные качества людей ещё чересчур низки и выражены немногими, лучшими представителями человеческого рода. Деспотизм человечества принял другую оболочку: рабство существует в виде власти капитала и власти сильных над слабыми. Под видом свободы, мы по-прежнему имеем рабов и измываемся над ними, сколько угодно — при помощи рубля и наших, видно, не очень прекрасных установлений. Все же замена рабства

капитализмом есть великий шаг вперёд. Все же сильные духом, при капитализме, имеют выход к свободе. Они работают над землёй, они ремесленники, торговцы… трудно, но можно найти доступ к свободе и независимости. Впрочем, легче переменить владыку, чем избежать его совсем. Но прежде и того не было. Права людей над людьми все же должны иметь место, хотя и не в виде владения, крепостничества, рабства и даже не в виде капитализма. Это право высших избранных, гениев. Оно состоит в руководстве, учительстве, управлении, указаниях… Как пастух пасёт овец, так избранные человечеством ведут его по пути к счастью. Право их принимается людьми добровольно, с радостью, желанием и надеждою на улучшения жизни и самого людского рода. Кроме того, не может не быть прав средних людей над элементами несовершенными, нарушителями закона и детьми, не достигшими ещё полного умственного развития.

Ещё больше права людей над животными. Сейчас они почти не ограничены, кроме права бесцельной или устранимой жестокости. Пускай остаются права жизни над насекомыми, вредителями, хищными существами. Но права человека над высшими животными им же должны быть понемногу

ограничены. Ведь сами животные не в силах за себя заступиться. Это может сделать только человек.

В самом деле, беспрерывное и жестокое убийство миллионов высших животных ради их мяса, не может вечно продолжаться. Это унижение для человечества. Неужели мы не можем основать наше питание, — без убийства, без мяса, — на пище растительной! Разве плохи бананы, фрукты, овощи, растительные жиры, хлеба и т.д.! Чего, чего не даёт растительный мир! Мир животный постепенно должен, без мучений, ликвидироваться: разлучением полов, особой безболезненной кастрацией. Но законы эти нужно проводить не сразу, а помалу, по убеждению, согласно желанию большинства населения, по мере практической возможности. Народу нужно открыть глаза, пробудить совесть и показать выход из экономических затруднений. Прежде чем будет этот выход найден и применён, до тех пор нельзя строго требовать от общества иного отношения к животным. Необходимо ввести постепенно и сначала, хоть право высших животных умирать естественной смертью.

ПРАВО НАСЛЕДОВАНИЯ ЗЕМЛИ И ИМУЩЕСТВ.

Оно имеет и хорошую сторону. Человек деятельный, трудолюбивый, умеренный, расчётливый — мозгом и руками накопляет имущество и умирает. Дети наследуют это имущество. Справедливо ли это? Разумно ли? Полезно ли человечеству? Свойства отца передаются отчасти детям. Обеспеченные имуществом дети вырастают, не обеспеченные умирают с голоду и от других лишений. Дети ленивого беспечного человека не должны иметь одной участи с детьми трудолюбивого человека. Пускай лучше вырастают в благоприятных условиях дети труженика! Так мы поддержим род трудоспособных, расчётливых и умеренных людей. Человечество тогда обогатится труженическим элементом. Введение права наследования для ближайших родственников умершего есть бессознательное стремление общества усовершенствовать человеческий род. Это более искусственный, чем естественный подбор. Чего легче обществу отнять от слабой вдовы и беспомощных детей, наследственное имущество! Но оно не отнимает, а оберегает его от хищников — это шаг вперёд! Так было в давнишние времена, когда и наследств больших не оставалось, не было миллиардеров, владельцев

пароходов, громадных складов, железнодорожных линий, фабрик, обширных земель и т.п.

Но и это современное наследование не есть ли также разумный и полезный для усовершенствования человеческого рода искусственный подбор? Отчасти — да, но не совсем. Не всегда состояния приобретаются трудоспособностью, гением и хорошими нравственными качествами. Нечестный поступок, дутое банкротство, тайное ограбление, воровство, убийство, подлог — могут также служить причиною обогащения. Иногда — случай, например, нахождение руды, дорогих россыпей, наконец, благоприятное стечение обстоятельств. Про такое наследование я уже не говорю. Но допустим, что богатство приобретено бедняком хорошими его свойствами: умом, трудолюбием, умеренностью, честностью, изобретательностью. Передадутся ли все эти качества детям? Если — да, то, конечно, мы улучшаем человеческий род. Но на деле, человек богатый, своей силой прельщает любую женщину, которая не любя его, приносит ему детей. Сильно поизрасходованный богач покупает себе жену, прельщаясь по человеческой слабости чисто внешними свойствами невесты. Нет у ней ни плодовитости, ни

здоровья, ни нравственных качеств, ни таланта… т.е. может быть все это есть в некоторой степени, а может быть и нет ничего, а только ложные признаки привлекательности. Вырастают же махровые бесплодные цветы, бывают же красивые ядовитые ягоды! Привлекателен же табак, опиум, морфий, эфир, алкоголь… — и столько же губителен. Что мы видим от наследников богатых имуществ? Всегда ли хорошее? Не часто ли пустоту и ничтожество. Далеко не всегда передаются хорошие качества отца детям. Да и так ли уже хороши качества отца! Человек сострадательный не может разбогатеть: он будет раздавать своё имущество голодным и нуждающимся. Правда, он может быть мудрецом: делать добро расчётливо, по мере сил и потому оставаться богатым. Если он половину чистой прибыли будет отдавать в пользу нуждающихся, а остальное тратить на расширение своего дела, то он останется в силе. Но такой системы мы в жизни ни у кого не видим. Хотя, возможно, она и может быть есть. Жадность поглощает человека. Найдётся ли способный её победить? Соединение бескорыстия и великодушия с твёрдым холодным расчётом — большая редкость. Обыкновенно, кроме умственных достоинств, причиною обогащения бывает неумеренная скупость не только к другим, но даже к самому себе.

Итак, в большинстве случаев, правом наследования мы укрепляем роды чёрствые, равнодушные к человеческим бедствиям, нередко скряжнические.

Все же допустим, что наследник приобрёл только хорошие свойства своего родителя. Посмотрим, что тогда из него выйдет. У него все готово, ему льстят, всячески угождают, предупреждают его желания. Его уверяют в его дарованиях, в том, что он выше других людей, что имеет право на роскошь, на прихоти, на лучших женщин. Излишество всякого рода губит все хорошие качества, полученные им от родителей. Будучи от природы хорошим, он расслабляется разнузданными страстями, теряет силу им сопротивляться, все более и более впадает в нравственное рабство. Ни голод, ни холод, ни желания, всегда удовлетворённые готовым богатством, не побуждают его трудиться, мыслить, искать. Его силы и физические, и умственные атрофируются. Он порождает и слабое поколение. Последнее также влачит жалкое, бесполезное, паразитическое существование. Немногое нужно, чтобы поддерживать эти бесполезные для людей роды богачей. Именно нужно строгое сохранение обществом законов наследования, нужна малая забота

богача о своём здоровье, нужны ещё половой инстинкт и семейный эгоизм. Довольно капли ума, чтобы собирать проценты с капитала, брать аренду с земли, или доходы с домов, и вот тунеядствующие роды живут и живут. Напротив, если наследник получает часть наследства, необходимую на то, чтобы начать дело, но не умереть с голоду, иметь самостоятельность, выбрать труд по душе, то некоторые лишения, невредные для здоровья, недостаток средств, неудовлетворённые желания, отсутствие льстецов и прихлебателей, отсутствие почёта — заставит его направить все силы ума, души и тела, чтобы достигнуть удовлетворения желаний, особенно сильных у наследника энергичных родителей. Пробуждаются добрые наследственные свойства и укрепляются трудовой жизнью. Этим умеренным правом наследования мы действительно будем способствовать улучшению человеческого рода. Все же нельзя сразу радикально изменить наследственное право. Резкостью мы возбудим классовую борьбу и сопряжённое с нею самоистребление. И зла получим больше, чем добра. Надо развитие обществ, сознание им пользы реформ, его согласие. Нужно, чтобы оно само вводило эти реформы. Сначала нужно сделать так, чтобы закон отдавал наследникам 50-80% наследства, потом, очень постепенно,

можно этот процент уменьшать, оставив в конце концов минимум, необходимый для поддержки даровитых родов богачей. Резкое и наследственное уничтожение права наследования может повести к обходу этого закона родителями таким образом. Они ещё при жизни растратят своё богатство или передадут права на него детям и родственникам. Что же выиграют люди?

ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ.

Из предыдущего видно, что мы отрицательно относимся к существующему праву наследования. Оно должно быть урегулировано законом. Тогда оно сделает ещё шаг вперёд. Конечно страсти, инстинкты, ложные представления, рутина, ограниченность человеческого ума и воли поддерживают существующие права наследования. Любовь к детям, жене, роду (короче — семейный эгоизм, в котором человек себя только с трудом может ограничить в пользу высших соображений) — кажется ему наиболее удовлетворённой при неограниченном праве наследования. Но надо же дать место и рассудку. Этой неограниченностью мы наших же детей и губим, не считаясь уже с другими соображениями высшего свойства. Но если это люди ясно

не сознают, то бесплодны и законы, отменяющие наследование.

Перейдём теперь к значению денег. Нельзя сразу уничтожить золото, серебро и другие материалы, как средство обмена и накопления богатств. Мы видели, также, что производителю, сдавшему свои произведения на руки общества, выдаётся расписка в получении вещей на такую-то сумму. В сущности, это памятка. Общество само делает запись, и без всякого предъявления расписки выдаст желаемую часть товара или равноценного металла вкладчику. Оно же и опять запишет выдачу. Нужно ли, чтобы расписка вкладчика служила ему вместо денег. Т.е. не может ли он, отдавши эту расписку кому-либо, получить вместо неё другой товар? Конечно, это возможно, но может послужить к большому злу. Найдутся подделыватели расписок, грабители, которые будут угрожать жизни владельцу документа. Расписка может преобразиться в бумажные деньги, а тут злоупотреблений может быть ещё больше. Деньги можно нечаянно сжечь, сгноить, потерять. За что же пострадает небогатый владелец этих знаков — ведь они достались ему кровным трудом! Могут и общества впасть в заблуждение или в искушение в трудную минуту жизни.

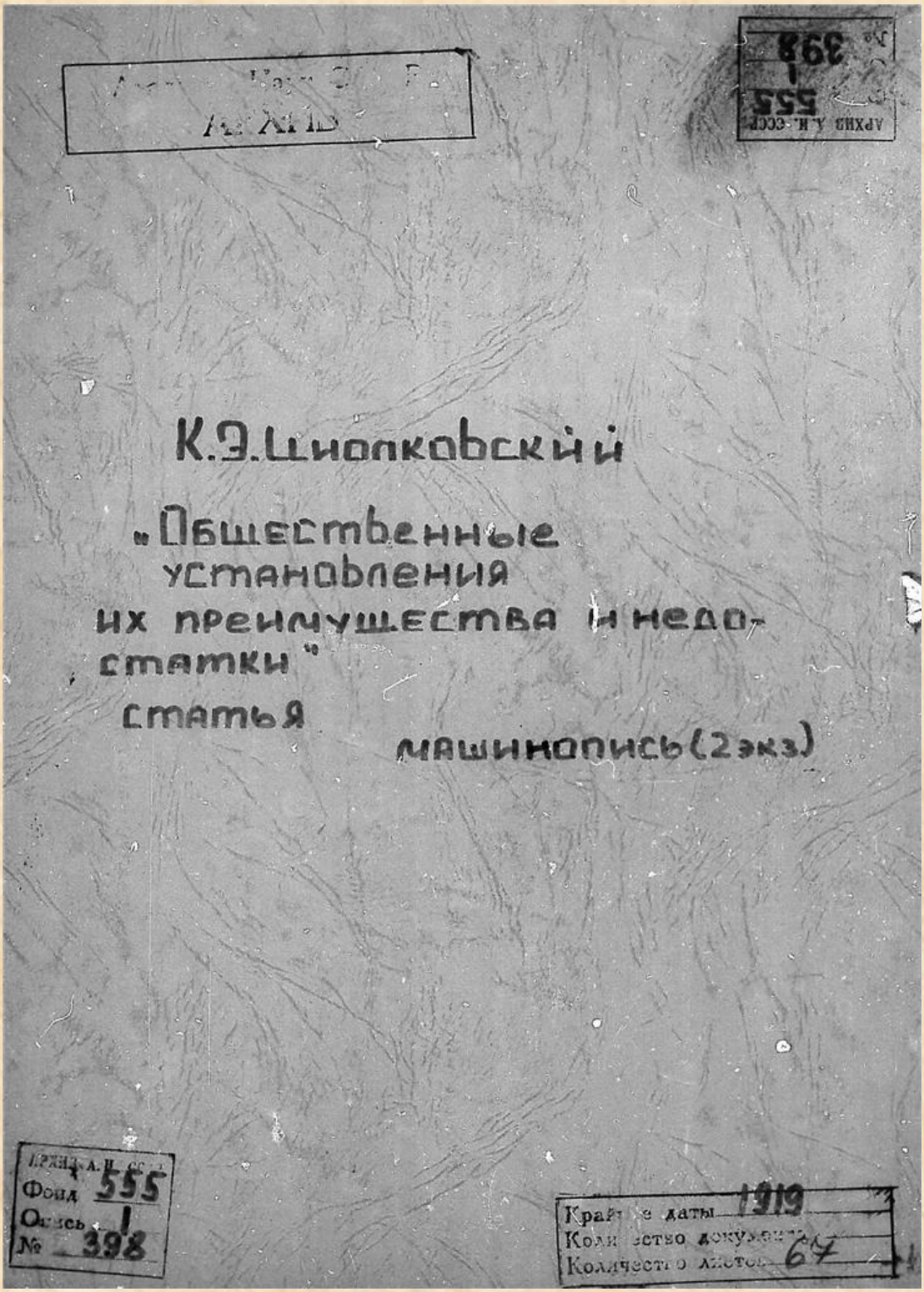
Выпуская бумажные деньги, они бесконтрольно грабят остальные общества как злоупотребляли и злоупотребляют денежными знаками бесчисленные государства старых и в особенности новых времён. Самое лучшее совсем вывести из употребления условные деньги, вещество которых не стоит их номинальной цены. Так мы избежим множества соблазнов и поводов к преступлению. Средства к войнам, рискованным и азартным предприятиям малокультурных стран ограничатся, если не иссякнут. Человечество навеки должно изгнать из употребления деньги не стоящие сами по себе своей номинальной цены. Производство таких денег не только лицами, но и обществами, и государствами должно преследоваться, как преступление, как война, как вооружение, как насилие над человечеством.

И золотые и драгоценные деньги есть уже зло, допустимое только временно, за неимением пока лучшего законодательства. Бумажные же деньги есть двойное зло. И золото и драгоценности должны употребляться для технических целей, для непосредственной пользы человека: для пломбирования зубов, покрытия крыш, для посуды, пуговиц, на разные машины, хирургические инструменты, электрические приборы, смотря по имеющемуся количеству

золота или другого металла. Но из снисхождения к человеческим страстям, слабости ума, воображения, в виду постепенности, во избежание безумной борьбы, ввиду возможности просвещения ума и ослабления рутины — остаются на некоторое время драгоценные деньги, как средство обмена и накопления. И с ними возможны злоупотребления. Разве не подделывают серебряные и золотые монеты, не надувают простодушных людей, лишая их сразу потом и кровью заслуженных излишков, а иногда и насущного хлеба! За корову дают два блестящих медных грошика или какую-либо искусную подделку золота, за овцу — табачную бандероль! Бумажные деньги также нельзя сразу уничтожить. Придётся их заменить золотыми по курсу. Положим, что современный курс рубля таков. Килограмм золота стоит тысячу рублей кредитных. Понемногу, по мере возможности, каждому выдаётся золото в обмен на его кредитки, а эти уничтожаются. Можно выдавать не только золото, но и другие металлы и материалы по существующему курсу. Расплата может быть постепенная. Кто может обижаться, если ему дадут золотых денег столько, сколько можно их купить на данную сумму кредиток!

Фотокопии рукописей Циолковского

«ОБЩЕСТВЕННЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ, ИХ ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ». СТАТЬЯ. МАШИНОПИСЬ



1

ОБЩЕСТВЕННЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ, ИХ ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

/Написано в 1919 г./.

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СОБСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ. У всех культурных народов существует это право. Убийца схватывается обществом, предается суду и терпит наказание или ограничение свободы. Чем ниже стоит какая либо раса в сонме человеческих народов, тем это право слабее, неопределеннее и необеспеченнее. У самых низших рас его не существует, к человеку относятся, как к зверю, охотятся за ним, убивают и с"едают, как хорошую дичь. Также, чем дальше отодвигаться в глубь истории, тем право это в общем, было ниже. Несомненно были времена у каждого самого культурного теперь народа, когда прав этих у него совсем не существовало. Оно росло от нуля, от зачаточного состояния, до теперешнего его вида. Но и теперь у самых культурных народов это право отчасти фиктивно. Воинская повинность отнимает это право. Болезнь, безсилие, увечье, сиротство лишает человека необходимого и, следовательно, его права жить. Стараются отстранить эту причину смерти или сокращение жизни, но пока мало достигают цели. Идеальное общество должно устранить причину гибели.

Возможно ли существование общества, если нет этого права на личную жизнь? Стадо животных существует сплошь и рядом, не истребляя себя взаимно, хотя у них нет суда для убийцы, нет сплоченности, заступничества друг за друга. Корова не убивает корову не столько из дружества, сколько из безсилья это сделать, а также и

из бесполезности такого поступка.

У каждого стадного животного есть инстинкт, мешающий ему вступать в борьбу с равным, или у него нет орудий для убийства. Если бы это было иначе, то самое стадо не могло бы существовать. Естественный подбор выработал этот инстинкт. Нет ничего губительнее борьбы с равным /по силе/ существом. Действительно, такая борьба должна окончиться печально для одного и еще печальнее для другого. Один может быть убит, а другой изранен, что может также окончиться смертью. Не сострадание, не милосердие, не жалость удерживают от такой безумной борьбы, а скорее инстинкт. Он может быть заменен чувством дружбы к равному или подобному, симпатией или другим чувством, но любовью, справедливостью его нельзя назвать. Справедливость или милосердие должны относиться ко всякому существу даже слабейшему, между тем как стадные животные спокойно истребляют существа иной породы и даже собственных собратий более слабых, больных, или раненых. Значит, главный повод образования этого инстинкта - невыгода борьбы с равносильным. Из наших слов как бы выходит, что и человек руководствуется несправедливостью и милосердием, а чем то другим. Действительно, его эксплоатация домашних животных беспощадная и жестокое их убийство не говорит в пользу милосердия и правды.

Может быть и у первобытного человечества был такой же звериный инстинкт, мешавший его самоистреблению. Не было суда, но был инстинкт, который не мешал ему истреблять младенцев, уродов, слабых, больных, старых и раненых. Животные одного вида, приблизительно, равносильны, потому что одинаково вооружены /рога, зубы и

т.д./. Но люди, вооруженные искусственно, далеко не равносильны. Таким образом, их неравенство в силе могло дать повод к борьбе, ибо она была для хорошо вооруженных выгодна. Также способность людей образовывать ассоциации делала неравными группы. И тут борьба могла быть выгодной. Значит, ни одно животное не склонно так к убийству, как человек.

Когда не было у человека, как и у животного, развитого воображения, представления о будущем или возможном несчастии, - то не было и тягостным существование члена в обществе без твердо выраженного права на личную жизнь. Но представьте себе теперешнего человека, с его сильно развитым воображением, с заботою о малейших предстоящих огорчениях, с мыслью о куске хлеба, жилище, обеспеченном существовании для себя и близких! И вдруг у этого человека, который весь в будущем, нет права на существование! Сегодня же его могут убить ради мяса, ради его имущества, жены или детей. Может ли этот человек работать, быть спокойным, может ли быть счастливым? Не сошел ли бы он с ума от ужаса, от силы воображения, не отказался ли бы заранее от жизни? Каждому грозит болезнь, смерть, старость и ее финал; Но все это не то. Нельзя предвидеть время кончины, как бы не был человек стар и слаб. Если вам 70 лет, вы можете прожить еще десять, если - 80, то еще шесть и т.д. Без права на жизнь, обеспеченного твердо и неуклонно исполняющимися законами, человечество было бы в ужасном состоянии. Хуже его трудно было бы что нибудь придумать. Все же и с этим, к сожалению, примиряется человек. Действительно, милитаризм вечно грозит каждому подвергнуться насилию и быть убитым или искалеченным. Пускай воюют

желающие. Если же общество насильно посылает своих членов на войну, то оно нарушает право на жизнь. Где войска наемные, там нет этого нарушения. Но там соблазняют население хорошим содержанием и халованием. И так набирают войска. Впрочем, общество не может обойтись без солдат. Но члены общества должны быть свободны вступать в него или не вступать. Наконец, войска в совершенном обществе не убивают, а только ограничивают свободу преступников.

Теперь обратим внимание на недостатки существующих законов о праве на личное существование. В самых культурных странах преступник за жестокое убийство и теперь еще наказывается смертью. Страх наказания удерживает от преступления многих людей, склонных к убийству. Кара эта обеспечивает людям спокойное существование, надежду на жизнь. Но удерживаются от убийства, в силу страха, только люди с сильным воображением. Преступники же как раз его имеют черезчур мало. Потом, преступление часто совершается под влиянием вспышки гнева, ревности и других страстей, унаследованных от животных предков или от предков, бывших и живших в иных условиях. Одним словом, склонность к преступлению всегда наследственна или рождается роковыми для преступника условиями жизни. Иногда стечением необыкновенных обстоятельств.

Как же казнить человека? Не сам же он себя родил, не сам создал все условия своего бытия! Не будет ли его казнь подобна мести, т.е. удовлетворением далеко нехороших чувств? Бывает и осуждение невинного: как загладить тогда судебную ошибку? Мы не можем возвратить жизнь казненному. С другой стороны нельзя не вос-

пользоваться устрашением преступных элементов, ради устранения возможных преступлений. Хорошо, что хоть люди с воображением удержатся от убийства. Устрашение - плохое средство к добру, но что же делать, если человек так плох и устрашение действует на очень несовершенную психию человека весьма благодетельно. Изменится человек - и страха тогда не будет нужно; Пока же пренебрегать им законодательство не может. Все же оставим страх казни и заменим его другим, менее мучительным страхом - лишением свободы и другими лишениями, только не лишением жизни. Разве может кто нибудь поручиться за себя, что он или его близкие никого не убьют! Неожиданное оскорбление, клевета на человека или его близких могут вывести человека из равновесия и причинить неосторожное убийство. Кто от этого обеспечен! Уничтожив казнь, выбросив ее совершенно из обихода наказаний, мы успокоим тем все человечество. Оно вздохнет тогда свободно за себя, за близких и за преступников. Разве казнь совершается только за убийство? Так называемые политические преступления, несогласие мыслей человека с мыслями правящих, разность убеждений, борьба партий, в сущности неправых с обеих сторон, не вызывает ли в смутное время бездну смертных казней. Уверены ли вы в том, что не попадете в эту сутолоку, и не будете лишены жизни за инакомыслие? Не казнили ли даже праведников, героев, благодетелей человечества, гениев, спасителей, изобретателей, людей науки! А если так, то казни совсем не должно быть. Человек не может ручаться за справедливость казни, так как казнено чересчур много невинных и продолжает казниться.

Сколько, напр., уничтожила праведников, психически больных, великих мыслителей и т.д. инквизиция. Итак, зарубим на носу твердо: казни совсем не должно быть. Убийств будет, может быть, больше и они должны караться, но не убийством же, а лишением свободы и страхом других наказаний. За то остальное невинное человечество будет спокойнее и это добро во много раз превысит возможное увеличение числа преступлений.

Преступник может измениться, переродиться и сделаться хорошим и полезным человеком. Разве можно ручаться за то, что это не мыслимо? А если так, то надо оставить надежду самому ужасному разбойнику. Эта надежда скрасит его жизнь, даст ему силы на исправление, улучшение, на борьбу с самим собою. Он будет знать, он должен знать, что все для него может вернуться, лишь бы он победил в себе дурное. Статистика, допустим, может неопровержимо доказать, что с отменой смертной казни число убийств увеличилось. Но та же статистика укажет, что успокоение человечества вследствие отмены жестокого закона, увеличила продолжительность жизни вообще. Сумма прироста лет жизни, наверно, окажется безконечно больше убыли лет от убийств.

Возможно убийство в борьбе двух или нескольких. Тут уже будет не один преступник, а несколько. Драка может быть между двумя лицами, между двумя группами, между двумя обществами и даже между двумя государствами. Во всех случаях драка или борьба должна подвергаться суду.

Если я нападаю на вас с целию убить или сделать какое либо другое насилие, то, защищаясь, вы можете меня нечаянно лишить жизни и остаться по суду оправдан-

ным. Останется виновным нападающий и если он только ранен, то подвергается суду и исправительному наказанию. В борьбе групп также могут быть невинные группы, несмотря на произведенные ими убийства. Также и в борьбе народов.

Как же избежать этих ужасных, хотя, может быть, и невинных убийств? Это описано у меня "в совершенном общественном строе". Драку немногих предупреждает и судит маленькое общество, живущее тесною, близкою жизнью. Также предупреждается нападение и насилие. Все на виду в этом маленьком обществе - и преступление в самом корне, в его зачатке может быть уничтожено. Также справляется более сильное общество с нападением друг на друга маленьких обществ. Борьба и преступление низших обществ, положим, третьего разряда задерживается более сильным обществом четвертого разряда. Борьба государств задерживается и судится всем человечеством, т.е. союзом всех стран земли.

Если неизбежна борьба и сопряженные с ней убийства и насилия, то нужно, по возможности, обезвредить эти войны и драки. Для этого нужно ввести закон: запретить производство всяких орудий истребления человека. За уклонение от этого закона должны судиться страны, общества и отдельные лица. Союз всех народов сам с собою не может воевать, разве с союзом народов других планет, но пока эта борьба нам не угрожает. Свои же части, т.е. отдельные страны он всегда может привести к покорности, так как целое сильнее своей части. Борьба останется, будут и орудия, но они не будут так специальны, так систематичны, обильны, жестоки и губительны. Нельзя сразу хорошо вооружиться. Значит и борьба будет почти на одних кулаках /если не считать случайных орудий, т.е.

инструментов/, окончится скоро и не будет иметь таких жертв, как при употреблении, например, современных орудий истребления, или еще более совершенных орудий будущего. Мы видим, что право человека на жизнь осуществляется современными установлениями и далеко несовершенными способами. Это право будет усилено, если мы введем такие дополнения к известным законам:

1. СМЕРТНАЯ КАЗНЬ НАВСЕГДА И ВО ВСЕХ СЛУЧАЯХ ОТМЕНЯЕТСЯ. /Нам давно твердили: не убей. Но мы и этого понять не можем/.

2. ПРОИЗВОДСТВО ВСЯКИХ ОРУДИЙ ИСТРЕБЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СТРОГО КАРАЕТСЯ ЗАКОНОМ.

3. БОРЬБА ЛИЦ И ОБЩЕСТВ ПОДАВЛЯЕТСЯ И СУДИТСЯ ОСОБЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ЛЮДЕЙ. Может быть нам скажут, что борьба служит (и полезна) для отбора сильнейших и выносливых. Да, если она на кулаках. Но такой войны как раз теперь и нет. Кроме того, разве кулаки всего важнее. Наконец, в совершенном обществе устанавливается искусственный подбор, который и совершенствует людей, а не "грубая борьба".

Разумеется и современные установления, сравнительно с нулем, хороши и должны быть сохраняемы до замены их лучшими. Законы непрерывно совершенствуются. И существовавшие установления играли важную роль и были лучше полного беззакония. Казнь убийц была лучше полной безнаказанности, или мести обиженных родственников убитого. Все же эти непрерывные, часто несправедливые и ошибочные казни улучшали в общем человечество: становилось меньше людей, склонных к убийству. Даже безнаказанная смертельная борьба лиц приносила некоторую пользу, так как победителями были люди более

сильные, ловкие, запасливые, расчетливые, бдительные. Таким образом совершалось индивидуальное развитие человечества. Развитие может быть двух сортов: индивидуальное и общественное. В хорошо устроенном обществе должно быть одновременно и то и другое, так как отдельно и то и другое негодно и ведет к гибели или жалкому существованию. Безнаказанная борьба обществ также сыграла свою роль. Она способствовала единению групп, их солидарности, дружбе, любви хотя между собою, в тесном кружке людей. Сначала развивалась личная сила человека, потом сила семьи, далее - маленьких обществ, затем — больших обществ и государств. Теперь должно быть единение всех людей. Не все сразу. Человечество имеет историю. Постепенность развития неизбежна. Но никто не мешает нам это развитие ускорить и довести его до его вершины, до единения всего населения земного шара. Мы уже говорили, что право жить, как оно совершенно ни организовано, в сущности фиктивно. Множество людей по разным причинам, лишаются необходимого для жизни и потому умирают или сокращают свою жизнь. Общественное устройство должно быть таково, чтобы этого сокращения не было. Только тогда это право достигнет совершенства.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ на вещи, землю и животных и человека.

У животных его нет. Там мы видим право сильного. Хищный зверь распоряжается жизнью всех слабейших существ. Он же отнимает у них все, что находит нужным. Стада не делят провизию, а грызутся из за нее. Кто сильнее, наглее, храбрее, тому и достается больше, а иногда все. Только при изобилии пищи, например, травы,

нет борьбы между существами. Нет борьбы и между очень сильным и очень слабым, потому что слабейший благоразумно скрывается, чтобы спастись и не увеличить с"едобную порцию сильного. Последний же, ничем не рискуя, просто с"едает слабого.

Когда то было так и в человеческой среде. Не было законов, не было собственности, но было право сильного, так называемое естественное право, которое простиралось иногда и на людей. Но и зверь признает право собственности за своей супругой и за детьми. Человек также, на какой бы низкой ступени не стоял, не мог не признавать хоть в незначительной степени этого права за своей семьей. Без этого невозможно было бы существование рода. Напр., наседка-курица не только не отнимает найденный цыплятами корм, но и помогает им отыскивать его. Впрочем, возможно существование низших видов существ и без семейного права собственности. Таковы одноклеточные, многие насекомые и т.д. Те роды людей и животных, которые не признавали семейного права собственности, должны были погаситься, или вымереть натуральным способом. Слабые и голодные дети должны были гибнуть прежде своего полного развития. Итак, семейное право собственности, также как и семейное право жизни зародились еще на самых низких ступенях существования животных и человека. Затем оно распространилось на маленькое общество, далее - на большие, на целое государство. В какой семье или обществе право собственности было слабо, там была из за нее борьба, ослаблявшая общество. Оно было слабее других, уничтожалось ими. Так общества, признававшие право собственности, существо-

вали, а другие исчезали. Но не распространилось оно еще на все человечество. Сильное государство или союз их может на деле распоряжаться прочими, как хочет.

В чем же состоит право собственности? Кто первый нашел какую нибудь вещь в природе, тот ею и пользуется. Кто обработал или изменил как нибудь эту вещь, тот тем более имеет на нее право. Супруги не отнимали друг у друга найденного корма, не отнимали его также у своих детенышей. Таким образом, семейное право собственности устанавливалось, хотя и не без многих и грубых уклонений. [illegible] Так некоторые самцы даже поедают своих детей без всякой надобности. Паучиха с"едает паука-супруга. Коты иногда с"едают котят. Право это распространялось и на добытых и приученных более слабых существ. У человека оно распространялось на пленных, покоренных или более слабых членов человеческого рода, даже на членов семьи.

Но право одной семьи нарушалось другой более сильной семьей. Соединение двух семей, не враждовавших, согласившихся признавать взаимно права собственности, придавало этому союзу двойную крепость и способность нарушать права отдельных семей. Союз трех семей побеждал и парные союзы. Возникали маленькие общества, согласившиеся взаимно признавать права собственности и побеждавшие более слабые союзы. Победа не могла бы существовать, если бы не было предварительно признано право собственности для нескольких семей. Действительно, если бы не было этого установления, то семьи бы боролись между собой и не могли бы составить победо-

носный союз. С течением времени, численность союзных обществ росла, так как давала преимущества. Росла и величина обществ, так как более многочисленное общество покоряло и обирало менее многочисленное.

Право собственности человека заключается в правах на землю, на плоды личного труда, на вещи, на животных, на людей и в посмертном праве завещать после смерти все имущество детям, родственникам или другим лицам, по своему желанию. Только право на людей в большинстве стран теперь не существует и преследуется, как преступление. Остальные же права более или менее процветают. Разберем же положительные и отрицательные стороны этих прав.

ПРАВО НА ЗЕМЛЮ. В настоящее время всякий, при известных условиях, может сделаться, даже во многих культурных странах владельцем любого количества земли. К чему же это ведет? Владелец обширной земли обыкновенно бывает и капиталистом. Он не лишен часто и таланта, если только не получил землю по наследству. Капитал дает ему возможность хорошо организовать обработку земли, завести самые лучшие машины, агрономов и в результате, с небольшим числом рабочих и сравнительно незначительной затратой труда и капитала, достигнуть блестящих последствий, т.е. получить от земли в десятки раз больше продуктов, чем при мелком землевладении. Предполагаем идеальный случай. Если допустить, что этот человек, еще высок в нравственном отношении, что он не завещает своей земли недостойным людям, что не будет чрезмерно роскошествовать, заставив работать лично на себя возможно большее число людей, - то в этом идеальном случае крупное землеполь-

зование выгоднее человечеству, чем мелкое. Но всегда ли так бывает? Часто землю получает ограниченный наследник, даже не интересующийся обработкой земли. Землю он сдает на аренду фермерам и крупное землевладение превращается в мелкое. Если же он и сам организует обработку земли, то в силу своей средней ограниченности, не получит блестящих результатов. Крупное землевладение, таким образом, не дает человечеству ничего. С другой стороны, слабый нравственно владелец, получая аренду, еще более падает, не имея надобности трудиться, размышлять и развращаемый еще более возможностью удовлетворять всем своим страстям, в рабство к которым так легко склоняется даже сильный человек. Итак, мы губим самого владельца. Кроме того, полученные от земли без труда средства, он может употребить не только на излишнюю роскошь и прихоти, которые заставят множество людей работать на него, но развести кругом себя целую уйму дармоедов. Соблазн чересчур велик и мы видим в жизни часто такие плоды.

Мелкие владельцы земли, соединившись в организованный союз, могут завести общие дорогие и совершенные орудия, общую обработку, знающего и заведующего всем человека. Тогда результаты получатся, как и от идеальной капиталистической обработки. Но трудно образование общества. Сплошь и рядом не удаются организации и дело идет даже хуже, чем при работе врозь.

Далее, мелкие владельцы, при удачных делах, отдавши и все дело в хорошие руки, могут сами, получая доходы, впасть в бездеятельность. Получится далеко не отрадная картина. Пример: акционерные общества. Члены

получают доходы, ничего не делая. Как же быть? Земля принадлежит людям. Больше некому ею владеть. Каждая человеческая душа имеет право на 9 гектаров суши. Семья в I0 человек может пользоваться чуть не квадратным километром земли /около ста десятин/.

Идеальное право на землю состоит в том, чтобы каждый владел 9-ю десятинами земли. Вернее суша должна быть разделена на I.600.000.000 равноценных участков, конечно, самой разнообразной величины, и каждый участок вручен одной человеческой душе. Это идеал, к которому не может притти человечество сразу. Но и этот идеал еще не полон. О его усовершенствовании мы можем говорить только в связи с общественным устройством. Хотя все существующие законы о земле должны строго соблюдаться, но нужно постепенное их изменение и приближение к идеалу. Не должно быть безрассудной борьбы классов, напрасных страданий и самоистребления, неизбежного при грубом перевороте. Можно, например, провести закон, по которому владельцы обширных земель каждый год должны возвращать человечеству несколько процентов своей земли. Можно также ограничить и наследников земли. Они также могут уступать ежегодно уже большую часть своей земли человечеству. Можно и вознаграждать чем нибудь потерю земли.

Право на землю было великим шагом вперед. У животных нет этого права, у малокультурных народов оно постоянно нарушается и трудно осуществляется. И в культурных странах надо много хлопот, чтобы оградить это право даже на ничтожный клочек земли. Вспомните, как трудно даже оградить сад от ребятишек, которые обры-

15

вают еще незрелые плоды и ломают деревья. Право на землю давало возможность владельцу серьезно заняться землей, улучшить удобрение и обработку земли. Оно давало энергию владельцу, который, в надежде на урожай, усердно работал: пахал, удобрял, полол, выкапывал, собирал и хранил плоды. Без права на землю не возможна была бы агрикультура. Мы бы и сейчас оставались скотоводами или охотниками. Численность населения земли не достигла бы и десятой доли существующей. Не было бы и теперешней культуры.

Итак, сделаем вывод: ОБШИРНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ СВЕРХ НОРМЫ, ВРЕДНО ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ И САМОМУ ВЛАДЕЛЬЦУ. ЗАКОНЫ ДОЛЖНЫ ПОСТЕПЕННО ОГРАНИЧИВАТЬ ВЕЛИЧИНУ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ, ПОКА НЕ ДОВЕДУТ ЕГО ДО СРЕДНЕЙ НОРМЫ В 9 ГЕКТАРОВ НА ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ДО РАВНОЦЕННОГО УЧАСТКА.

Из этого, однако, не следует, что земледельческий труд будет обязателен для всякого. Он и земля должны быть доступны для всякого желающего. Это для индивидуалистов. Общества же устраиваются иначе, очень сложно о чем мы не имеем возможности сейчас говорить. Не забудем только, что в члены обществ вступают добровольно, а в члены высших обществ еще и по избранию. Можно ли отказать в праве на землю? Да кому же ею и владеть, как не людям? Если предоставлять владения только обществам, то возмутим индивидуалистов, их вражду и бедствия борьбы. В обществах только ничтожная часть членов занимается обработкой земли, так как благодаря машинам земледелие потребует ничтожного времени. Или, может быть, все участвуют в земл. трудах, но каждый немного, напр. 2 часа. Все ли люди заслуживают одина-

ковых по ценности участков? Цену человека определить трудно. Эта задача будет приблиз. решена в совершенном обществе. Пусть один человек в 100 раз дороже другого. Он наверно будет состоять членом одного из высших обществ и потому уже там получит награду в виде движения и содействия его хорошим начинаниям. Общество само будет удовлетворять его разумные желания. Избыток земли ему ни к чему.

ПРАВО НА СЫРЬЕ. Положим, у кого нибудь на надельной земле оказались драгоценные залежи каких либо руд, угля, фарфора, золота и т.п. Тогда участок этот уже не станет равноценным другим и потому его придется для владельца уменьшить в 100, 1.000, может быть, миллион раз. Тогда он окажется уже недостаточным для поселения и потому от владельца отбирается и заменяется удобным средней ценности. Таким образом, по мере изучения земли, ее недр, ее естественных богатств происходит переоценка участков и драгоценные отходят в пользу общества. От них пользуется все человечество и индивидуалисты получают свою долю: не может же кому нибудь попасть в удел водопад или другая сила природы, ценность которой, как значительной механической энергии, весьма велика. Каждый индивид или общество пользуется сырьем своей земли, пока это сырье не оказывается по ценности превышающим норму удела. В жизни мы не видим такого отношения к сырью. Владелец земли, открывший у себя залежи драгоценного материала, остается большею частью их собственником. Такое право ведет к капитализму и могуществу владельца без всяких заслуг с его стороны. Наследственное право, присоединяясь к праву владения, рождает

еще ряд людей, могущих существовать без пользы для человечества, в обременение ему. Все же не нужно грубой ломки законов. Реформа их должна вводиться постепенно. Можно дозволить сначала пользоваться 50%, или половиною найденных сокровищ, потом 40, 30, 20 и т.д. процентами, пока не дойдем до нуля или невещественного награждения открывшего ценность. Следует поощрять такие изыскания, в особенности, когда на них затрачены труд и время. Такой человек, сообразно заслугам, должен вознаграждаться почестью, поощрением его рода, записью в книги, облегчением физического труда, улучшением питания и других условий жизни. Новое законодательство будет полезно для всего человечества, так как будет способствовать открытию богатств природы. Даже избыток в поощрении не вредит. Но потом, этот избыток, в совершенном строе, просто окажется излишним, тягостным для самого триумфатора.

ПРАВО НА ОБРАБОТАННОЕ СЫРЬЕ, ИЛИ ПРАВО НА СВОИ ТРУДЫ. Известно в чем выражается это право людей. Я сделал из своих материалов, своими руками, стул, комод, дом, молоток, машину — они принадлежат мне, я могу кому угодно их дарить или на что нибудь обменивать, также — завещать, кому хочу. Это так естественно и вполне справедливо: чем больше человек трудится, чем производительнее этот труд, тем больше и вознаграждения за него. Странно было бы, если бы я трудился, а бездельник, лентяй или неумелый пользовался /по праву, а не по моей милости/ трудами моих рук и моего ума. Если бы так было, то и трудоспособные перестали бы работать; размножились бы бездельники и люди были бы на

пути к вырождению и гибели. Если существует право на сырье, то тем сильнее это право на сырье обработанное. Обработанное сырье может быть дороже золота и алмазов. Напр., "волоски" карманных часов.

Но представим себе современного человека и современные законы. И один человек может сделать многое. Он пользуется силами природы, машинами и производит в тысячу, в миллион раз больше, чем другой менее мыслящий, менее искусный и трудолюбивый человек. Не может ли тут выйти зла?

Наш счастливый производитель выменивает свои изделия на необходимое ему пропитание, на одежды, на золото и другие драгоценные материалы, которые легко хранить и которые не портятся от времени. Он умирает и все накопленное переходит целиком человечеству. Что же оно теряет!

Но может быть необыкновенный производитель прячет или истребляет свои изделия, может быть он дарит их угодным ему, но бездельным людям и рождает так паразитство, может быть отдает все за удовлетворение своим прихотям и заставляет так служить себе множество людей. Правда, в последнем случае он только справедливо, хотя и неумеренно вознаграждает сам себя. Что он дал, что он сделал, то и получает в равноценном обмене.

Зарождение тунеядства— вот соблазн положения. Как же быть! Как избежать этого зла: зла тунеядства, зла роскоши, прихотей, капризов, уничтожения своего же добра, возможности человеконенавистничества!

Чаще всего человек впадает в таком случае в соблазн удовлетворения страстей далеко не похвального ха-

рактера, которые губят его и сделанное им добро. Приходится регулировать право собственности необыкновенного труженника. Запрещается порча, уничтожение и сокрытие трудов. Запрещается неумеренная жизнь, роскошь и чрезмерные прихоти, запрещается порождение тунеядства. Все это само собой совершается при описанной мною организации общества. Но не всякий годится для образования новых обществ. Часть людей, несмотря на свои таланты, по своим нравственным качествам, останется вне обществ и будет жить жизнью близкой к существующей. Они должны владеть описанными мною правами. Законы должны понемножку склоняться к исправлению и к регулированию прав собственности на свои труды.

Право собственности имеет еще дурную сторону. Закон покровительствует этому праву, но главная забота по охране собственности лежит на владельце. Как же должен он мучиться, по мере ее накопления. Чем-ее больше, тем больше и забот, тем больше и сил поглощает она! Наступает момент, когда все силы собственника устремлены и целиком отданы на хранение своего добра. Как охранить быстро портящиеся продукты? Если отдать их за золото, серебро и другие металлы и камни, то опять таки охрана их будет стоить не дешево. Придется за имение таких вещей, может быть, поплатиться жизнью. Правда, теперь драгоценности хранятся в банках и других специализованных для того зданиях. Но можно ли и там поручиться за целость охраняемого. Вон в Америке бомбисты - воры снабжены всеми последними усовершенствованиями, чтобы разрушать стальные и бетонные стены и взламывать или отпирать замки. Мне кажется, легче собственнику сдавать сработан-

ные им продукты обществу, которое их немедленно пускает в дело, а самому получить удостоверение общества, в сдаче вещей на такую то сумму. Это гораздо покойнее и в зачатке существует. При надобности или желании, владелец часть своего труда получает обратно. Но что, собственно, со своими продуктами он может сделать для себя? Об"едаться — вредно, лакомство и изысканная пища скоро портит пищеварение и притупляет вкус. Роскошная одежда, обстановка, жилище — возбуждают зависть и потому причиняют огорчения, а иной раз служат причиною насильственной смерти. Раздача вещей и продуктов людям — развращает их, возбуждает между ними зависть, вражду, лесть, ложь, тунеядство, а иногда неблагодарность и ненависть. Помогать нуждающимся — дело очень трудное и не всякому по силам. Остается одно — пускать имущество в оборот и все более и более наживаться. Но это затруднения имущего еще более увеличивает.

Наживаться можно разными способами. Можно наживаться биржевой игрой, картами и тому подобными средствами, что составит, основанный на легкомыслии, чистейший согласный грабеж и законами скоро должно быть совсем воспрещено. Можно богатиться организацией крупной торговли, это может быть важным делом. Торговец должен иметь таланты, чтобы успешно вести дело. Он должен знать избыток или недостаток товара по всей земле, он должен уметь его самым экономным способом перевести, упаковать, сохранить от грабителей и от порч. При талантах он может приносить человечеству огромную пользу. Без торговца избыток товара гниет в одном месте, а в другом он недоступен по цене. Но еще лучше, если богатый займется промышленными предприятиями. Тут польза от его деятель-

ности еще больше. Она достигает максимума, когда предприятия новы и благодетельны. Таковы осуществления новых изобретений, облегчающих или ускоряющих человеческое хозяйство, дающих ему новые могущественные орудия работы, оздоровляющие труд и т.д. Тогда и накопление богатств в одних руках будет до некоторой степени благодетельно для людей. Обилие, роскошь и прихоти богача поглотят сравнительно ничтожную часть плодов, приносимых им обществу. Но все же это редкий случай! Не так добывается богатство и не такие приносит плоды! Я хочу только показать, что хотя богатство имеет и много шипов, колющих и общества и владельца, но можно вообразить исключения и они бывают, хотя и редко. Поэтому неизбежны законы, регулирующие зло богатства. Они могут постепенно ограничивать это зло, с согласия самих богачей и общества, со снисхождением к невежеству и к человеческим страстям: к алчности, к любостяжанию, властолюбию, гордости и т.д. Высший же источник богатства: изобретение или полезная идея. Только в редких случаях удается мыслителям извлечь золото из своих гениальных мыслей. Если же это происходит, то этот источник богатства самый почтенный. Но и таким людям богатство опасно и для них и для людей.

ПРАВО НА ИДЕЮ, НА ИЗОБРЕТЕНИЕ. Современный закон дает только право на изобретение, но не на идею. В этом уже заключается ошибка: идея и изобретение одно и то же. И то и другое может быть одинаково благодетельно для людей и потому всячески должно поощряться и отличаться.

Право на изобретение теперь дается не всякому, а

только человеку со средствами*/ и после больших хлопот и большого промежутка времени. Человек, раскрывший свое изобретение до получения документа, теряет на него права. Это особенно возмутительная несправедливость. Изобретатель разглашает /часто по незнанию этого закона/ свое изобретение всеми способами, вплоть до печати, ради быстрейшего введения его в жизнь и осуществления. Он вредит только самому себе, так как после разглашения иногда трудно доказать, что изобретение принадлежит именно ему. Этот закон скрытности введен отчасти ради того, чтобы изобретение сделалось тайною одного государства, если оно военного характера. Изобретение может обогатить человека, уже имеющего некоторые средства /так как на разработку и исполнение нужны деньги/; и потому выдача обычных патентов может только усилить известные последствия накопления богатств в одних руках. Тем не менее и существующие права на изобретения благодетельны для человека, так как поощряют открытия, которые приносят неисчислимую пользу человечеству, становясь через 10-20 лет его беспошлинным правом.

Жаль только, что это поощрение недостаточно для бедных и слабых, что оно требует много расходов, что доступно более капиталистам. Таким образом масса изобретателей находятся в беспомощном состоянии и изобретения их попадают в чужие руки за бесценок и даже честь изобретения ускользает от бедняков.

Крайне важно знать, кто именно изобрел. Людям выгодно это точно знать, чтобы поощрять изобретателя и

---

*/ Вообще не имею в виду СССР.

его род, определить драгоценные его свойства и пользоваться ими всегда.

Не только изобретение должно поощряться, но и всякая добрая мысль. Старая — менее, новая — более. Должен быть отличен и записан в книги человек, именно он, подаривший людям новую великую идею, или восстановивший старую, забытую, но полезную. Надо прежде всегда облегчить проникновение новых мыслей в общество. Как это сделать — уже описано в моем новом общественном строе. Ни одна хорошая мысль, как и ее автор, не может там скрыться и потонуть в житейской суете.

Таким образом, я предлагаю право собственности даже на каждую новую полезную идею и право заслуги на возрождение старых, но забытых идей, честь открытия которых должна оставаться за их источником и возобновляться в книгах. Если бездарный человек найдет возможным приписывать ложно себе великие мысли и изобретения, то мы будем поощрять лжецов и ничтожных людей, будем способствовать размножению их рода и поведем человечество назад. Кроме вопиющей несправедливости, ведь это будет и гибелью для людей.

Как же поощрять идею и ее осуществление? — Так, чтобы это способствовало размножению великих идей и размножению их творцов. Прежде всего нужно внимание ко всем. Организация нового общества это уже предполагает. Далее, — беспристрастное обсуждение идеи и ход ее кверху, по мере ее достоинства. Затем, если идея оказывается ценной, она осуществляется всеми силами общества. Она переоценивается вновь на практике. Автор ее подробно описывается в книге, с указанием его заслуг и осуществленного изобретения или нововведения. Ему уменьшается ко-

91

личеством обязательного физического труда, улучшаются условия жизни, согласно его желаниям, увеличивается внимание к другим его идеям, дается некоторая общественная сила для бесконтрольного его распоряжения, поощряется размножение его рода и оказывается особенное покровительство его потомству и даже родичам. Об"ясняется всему населению степень важности его мыслей, их плоды, внушается необходимость некоторого особенного почета и уважения мыслителю. Разумеется, если он падает, не приносит более плодов, то хотя и бывает вознагражден и почтен, но эти поощрения не возрастают, а даже ослабевают. Также и поощряемый род, если окажется бездарным, понемногу лишается особого покровительства законов. Однако не сразу. Бывает возникновение талантов в третьем, четвертом, может быть, десятом поколении. Род великого мыслителя или изобретателя навсегда отличается и пользуется вниманием. От него ждут рано или поздно чего нибудь высокого и возможно, что дождутся. Тут много значат браки. Разумные браки могут еще усилить талантливость рода. Безумные ее теряют.

Кажется, зачем награждать дарования! Как бездарный, так и талантливый не сами себя создают. Они-продукт среды и их родителей. Не виноват немощный, преступник; также, как будто, не заслуживает поощрения гений и талант! Но ради собственной выгоды человечества, необходимо всяческое внимание, поощрение и отличие изобретателю, гению и его роду. Если всякий будет знать, что его великая мысль или открытие встретит внимание, сочувствие, поощрение, вознаграждение,-

25

улучшением жизни его и его рода,- почетом, вечною памятью и записью в книги, если самый род его воспринимает его радости,- то всякий и будет стремиться к высокому, по мере своих сил. Кому нужно работать, напрягать мысль, отказываться от простых радостей жизни, если в результате он встретит неблагодарность, зависть, невнимание, презрение или равнодушную кражу его идей лжецами или обществом! Тебя, де, породило общество, ты его вещь, она принадлежит нам и также все, что от нее исходит!

Не только поощрением будем достигать справедливости, удовлетворения высшего нравственного чувства, но и обильного проявления талантов, обильной работы мыслей, самоотречения от житейской суетности и обычного шаблонного труда, размножения даровитого рода и ~~облагородненного~~ умножения гениев, в виде новых удачных рождений. Так будет не только благоденствовать крещендо, но и непрерывно совершенствоваться человеческий род.

ПРАВО НА ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХ. Право на людей считается теперь преступлением и преследуется во всех странах. Таковы рабство и продажа людей. Всякого рода неволя и насилия - только удел нарушителей закона. Установления эти прекрасны. Но давно ли и рабство и продажа людей процветали. Поэтому и нравственные качества людей еще черезчур низки и выражены немногими, лучшими представителями человеческого рода. Деспотизм человечества принял другую оболочку: рабство существует в виде власти капитала и власти сильных над слабыми. Под видом свободы, мы попрежнему имеем рабов и измываемся над ними, сколько угодно - при помощи рубля и наших, видно, не

очень прекрасных установлений. Все же замена рабства капитализмом есть великий шаг вперед. Все же сильные духом, при капитализме, имеют выход к свободе. Они работают над землей, они ремесленники, торговцы... трудно, но можно найти доступ к свободе и независимости. Впрочем, легче переменить владыку, чем избежать его совсем. Но прежде и того не было. Права людей над людьми все же должны иметь место, хотя и не в виде владения, крепостничества, рабства и даже не в виде капитализма. Это право высших избранных, гениев. Оно состоит в руководстве, учительстве, управлении, указаниях... Как пастух пасет овец, так избранные человечеством ведут его по пути к счастью. Право их принимается людьми добровольно, с радостью, желанием и надеждою на улучшения жизни и самого людского рода. Кроме того, не может не быть прав средних людей над элементами несовершенными, нарушителями закона и детьми, не достигшими еще полного умственного развития.

Еще больше права людей над животными. Сейчас они почти неограничены, кроме права бесцельной или устранимой жестокости. Пускай остаются права жизни над насекомыми, вредителями, хищными существами. Но права человека над высшими животными им же должны быть понемногу ограничены. Ведь сами животные не в силах за себя заступиться. Это может сделать только человек.

В самом деле, беспрерывное и жестокое убийство миллионов высших животных ради их мяса, не может вечно продолжаться. Это унижение для человечества. Неужели мы не можем основать наше питание,- без убийства, без мяса,- на пище растительной! Разве плохи бананы, фрукт

27

ты, овощи, растительные жиры, хлеба и т.д.! Чего, чего не дает растительный мир! Мир животный постепенно должен, без мучений, ликвидироваться: разлучением полов, особой безболезненной кастрацией. Но законы эти нужно проводить не сразу, а по малу, по убеждению, согласно желанию большинства населения, по мере практической возможности. Народу нужно открыть глаза, пробудить совесть и показать выход из экономических затруднений. Прежде чем будет этот выход найден и применен, до тех пор нельзя строго требовать от общества иного отношения к животным. Необходимо ввести постепенно и сначала, хоть право высших животных умирать естественной смертью.

ПРАВО НАСЛЕДОВАНИЯ ЗЕМЛИ И ИМУЩЕСТВ. Оно имеет и хорошую сторону. Человек деятельный, трудолюбивый, умеренный, расчетливый - мозгом и руками накопляет имущество и умирает. Дети наследуют это имущество. Справедливо-ли это? Разумно-ли? Полезно-ли человечеству? Свойства отца передаются отчасти детям. Обеспеченные имуществом дети вырастают, не обеспеченные умирают с голоду и от других лишений. Дети ленивого беспечного человека не должны иметь одной участи с детьми трудолюбивого человека. Пускай лучше вырастают в благоприятных условиях дети труженика! Так мы поддержим род трудоспособных, расчетливых и умеренных людей. Человечество тогда обогатится труженическим элементом. Введение права наследования для ближайших родственников умершего есть бессознательное стремление общества усовершенствовать человеческий род. Это более искусственный, чем естественный подбор. Чего легче обществу отнять от слабой вдовы и беспомощных детей, наследственное имущество!

Но оно не отнимает, а оберегает его от хищников - это шаг вперед! Так было в давнишние времена, когда и наследств больших не оставалось, не было миллиардеров, владельцев пароходов, громадных складов, железнодорожных линий, фабрик, обширных земель и т.п.

Но и это современное наследование не есть ли также разумный и полезный для усовершенствования человеческого рода искусственный подбор? Отчасти - да, но не совсем. Не всегда состояния приобретаются трудоспособностью, умением и хорошими нравственными качествами. Нечестный поступок, дутое банкротство, тайное ограбление, воровство, убийство, подлог - могут также служить причиной обогащения. Иногда - случай, например, нахождение руды, дорогих россыпей, наконец, благоприятное стечение обстоятельств. Про такое наследование я уже не говорю. Но допустим, что богатство приобретено бедняком хорошими его свойствами: умом, трудолюбием, умеренностью, честностью, изобретательностью. Передадутся ли все эти качества детям? Если - да, то, конечно, мы улучшаем человеческий род. Но на деле, человек богатый, своей силой прельщает любую женщину, которая не любя его, приносит ему детей. Сильно поизрасходованный богач покупает себе жену, прельщаясь по человеческой слабости чисто внешними свойствами невесты. Нет у ней ни плодовитости, ни здоровья, ни нравственных качеств, ни таланта... т.е. может быть все это есть в некоторой степени, а может быть и нет ничего, а только ложные признаки привлекательности. Вырастают же махровые бесплодные цветы, бывают же красивые ядовитые плоды! Привлекателен же табак, опиум, морфий, эфир, алкоголь... - и столько же губителен. Что мы видим от наследников

богатых имуществ? Всегда ли хорошее? Не часто ли пустоту и ничтожество. Далеко не всегда передаются хорошие качества отца детям. Да и так ли уже хороши качества отца! Человек сострадательный не может разбогатеть: он будет раздавать свое имущество голодным и нуждающимся. Правда, он может быть мудрецом: делать добро расчетливо, по мере сил и потому оставаться богатым. Если он половину чистой прибыли будет отдавать в пользу нуждающихся, а остальное тратить на расширение своего дела, то он останется в силе. Но такой системы мы в жизни ни у кого не видим. Хотя, возможно, она и может быть есть. Жадность поглощает человека. Найдется ли способный ее победить? Соединение бескорыстия и великодушия с твердым холодным расчетом - большая редкость. Обыкновенно, кроме умственных достоинств, причиною обогащения бывает неумеренная скупость не только к другим, но даже к самому себе.

Итак, в большинстве случаев, правом наследования мы укрепляем роды черствые, равнодушные к человеческим бедствиям, нередко скряжнические.

Все же допустим, что наследник приобрел только хорошие свойства своего родителя. Посмотрим, что тогда из него выйдет. У него все готово, ему льстят, всячески угождают, предупреждают его желания. Его уверяют в его дарованиях, в том, что он выше других людей, что имеет право на роскошь, на прихоти, на лучших женщин. Излишество всякого рода губит все хорошие качества, полученные им от родителей. Будучи от природы хорошим, он расслабляется разнузданными страстями, теряет силу им сопротивляться, все более и более впадает в нравственное

рабство. Ни голод, ни холод, ни желания, всегда удовлетворенные готовым богатствоа, не побуждают его трудиться, мыслить, искать. Его силы и физические и умственные атрофируются. Он порождает и слабое поколение. Последнее также влачит жалкое, бесполезное, паразитическое существование. Не многое нужно, чтобы поддерживать эти бесполезные для людей роды богачей. Именно нужно строгое сохранение обществом законов наследования, нужна малая забота богача о своем здоровье, нужны еще половой инстинкт и семейный эгоизм. Довольно капли ума, чтобы собирать проценты с капитала, брать аренду с земли, или доходы с домов, и вот тунеядствующие роды живут и живут. Напротив, если наследник получает часть наследства, необходимую на то, чтобы начать дело, не умереть с голоду, иметь самостоятельность, выбрать труд по душе, то некоторые лишения, невредные для здоровья, недостаток средств, неудовлетворенные желания, отсутствие льстецов и прихлебателей, отсутствие почета - заставит его напрячь все силы ума, души и тела, чтобы достигнуть удовлетворения желаний, особенно сильных у наследника энергичных родителей. Пробуждаются добрые наследственные свойства и укрепляются трудовой жизнью. Этим умеренным правом наследования мы действительно будем способствовать улучшению человеческого рода. Все же нельзя сразу радикально изменить наследственное право. Резкостью мы возбудим классовую борьбу и сопряженное с нею самоистребление. И зла получим больше, чем добра. Надо развитие обществ, сознание им пользы реформ, его согласие. Нужно, чтобы оно само вводило эти реформы. Сначала нужно сделать так, чтобы закон отдавал наследникам 50-80% наследства, потом, очень постепенно, можно этот

процент уменьшать, оставив в конце концов минимум, необходимый для поддержки даровитых родов богачей. Резкое и наследственное уничтожение права наследования может повести к обходу этого закона родителями таким образом. Они еще при жизни растратят свое богатство или передадут права на него детям и родственникам. Что же выиграют люди?

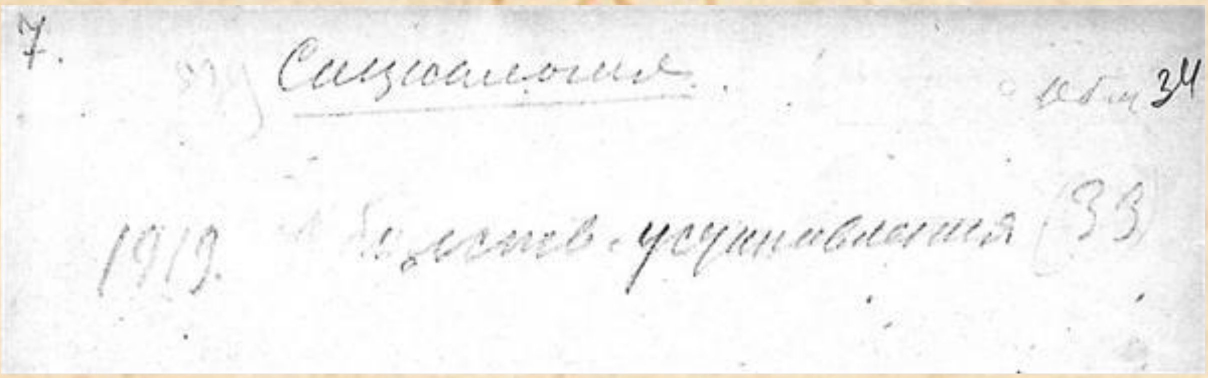
ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ. Из предыдущего видно, что мы отрицательно относимся к существующему праву наследования. Оно должно быть урегулировано законом. Тогда оно сделает еще шаг вперед. Конечно страсти, инстинкты, ложные представления, рутина, ограниченность человеческого ума и воли поддерживают существующие права наследования. Любовь к детям, жене, роду /короче - семейный эгоизм, в котором человек себя только с трудом может ограничить в пользу высших соображений/ - кажется ему наиболее удовлетворенной при неограниченном праве наследования. Но надо же дать место и рассудку. Этой неограниченностью мы наших же детей и губим, не считаясь уже с другими соображениями высшего свойства. Но если это люди ясно не сознают, то бесплодны и законы, отменяющие наследование.

Перейдем теперь к значению денег. Нельзя сразу уничтожить золото, серебро и другие материалы, как средство обмена и накопления богатств. Мы видели, также, что производителю, сдавшему свои произведения на руки общества, выдается расписка в получении вещей на такую то сумму. В сущности это памятка. Общество само делает запись, и без всякого предъявления расписки выдаст желаемую часть товара или драгоценного металла вкладчику. Оно же и опять запишет выдачу. Нужно ли, чтобы расписка

вкладчика служила ему вместо денег. Т.е. не может ли он, отдавши эту расписку кому либо, получить вместо нее другой товар? Конечно, это возможно, но может послужить к большому злу. Найдутся подделыватели расписок, грабители, которые будут угрожать жизни владельцу документа. Расписка может преобразиться в бумажные деньги, а тут злоупотреблений может быть еще больше. Деньги можно нечаянно сжечь, сгноить, потерять. За что же пострадает небогатый владелец этих знаков - ведь они достались ему кровным трудом! Могут и общества впасть в заблуждение или в искушение в трудную минуту жизни. Выпуская бумажные деньги, они бесконтрольно грабят остальные общества, как злоупотребляли и злоупотребляют денежными знаками бесчисленные государства старых и в особенности новых времен. Самое лучшее совсем вывести из употребления условные деньги, вещество которых не стоит их номинальной цены. Так мы избежим множества соблазнов и поводов к преступлению. Средства к войнам, рискованным и азартным предприятиям мало культурных стран ограничатся, если не иссякнут. Человечество навеки должно изгнать из употребления деньги не стоющие сами по себе своей номинальной цены. Производство таких денег не только лицами, но и обществами и государствами должно преследоваться, как преступление, как война, как вооружение, как насилие над человечеством.

И золотые и драгоценные деньги есть уже зло, допустимое только временно, за неимением пока лучшего законодательства. Бумажные же деньги есть двойное зло. И золото и драгоценности должны употребляться для технических целей, для непосредственной пользы человека: для пломбирования зубов, покрытия крыш, для посуды, пуговиц,

на разные машины, хирургические инструменты, электрические приборы, смотря по имеющемуся количеству золота или другого металла. Но из снисхождения к человеческим страстям, слабости ума, воображения, в виду постепенности, во избежание безумной борьбы, ввиду возможности просвещения ума и ослабления рутины - остаются на некоторое время драгоценные деньги, как средство обмена и накопления. И с ними возможны злоупотребления. Разве не подделывают серебряные и золотые монеты, не надувают простодушных людей, лишая их сразу потом и кровью заслуженных излишков, а иногда и насущного хлеба! За корову дают два блестящих медных грошика или какую либо искусную поддельку золота, за овцу - табачную бандероль! Бумажные деньги также нельзя сразу уничтожить. Придется их заменить золотыми по курсу. Положим, что современный курс рубля таков. Килограмм золота стоит тысячу рублей кредитных. Понемногу, по мере возможности, каждому выдается золото в обмен на его кредитки, а эти уничтожаются. Можно выдавать не только золото, но и другие металлы и материалы по существующему курсу. Расплата может быть постепенная. Кто может обижаться, если ему дадут золотых денег столько, сколько можно их купить на данную сумму кредиток!



7. [illegible] 34

1919. [illegible] (33)

***

Совокупность идей, гипотез, тезисов, составивших содержание философских сочинений К.Э.Циолковского, сам Константин Эдуардович назвал «Космической философией». Её центральным элементом стало смоделированное с помощью научных методов учение о смысле жизни и постижении его в процессе реализации нравственной практики.

О важности этих исследований для человечества говорит утверждение К.Э.Циолковского о том, что теорию ракетостроения он разработал лишь как приложение к своим философским изысканиям.

Учёным написано множество философских работ, которые малоизвестны не только широкому читателю, но и специалистам ввиду их многолетнего замалчивания. Эти книги – попытка прорвать «заговор молчания» вокруг философии русского космического провидца.

Новое мышление невозможно без поиска смысла жизни в единстве населённого космоса.

Обращаясь к своим читателям, К.Э.Циолковский говорит:

«Постараюсь восстановить то, что в сонме тысячелетий утеряно человечеством, отыскать оброненный им философский камень».

…

«Будьте внимательны, напрягите все силы, чтобы усвоить и понять излагаемое.»

…

«За напряжение, за внимание вы будете вознаграждены, не скажу сторицею, это чересчур слабо, но безмерно. Нет слов для выражения тех благ, которые вы получите за свой труд. Нет меры для этих благ. Эта мера есть бесконечность».

К. Э. Циолковский

«Живая вселенная»

1923 г.

Научно-популярное издание

Константин Эдуардович Циолковский

«Космическая философия»
www.tsiolkovsky.org

Руководитель проекта — Николай Красноступ
Дизайн — Татьяна Колпакова, Евгений Продайко
Хостинг, CMS — Сергей Попов

Приглашаем всех принять участие в данном проекте!

Если вы хотите и можете оказать содействие данному проекту,
свяжитесь с нами по email mykola.krasnostup@gmail.com